

Сергей Викторович Лебедев
Галина Николаевна Лебедева

Номо ideologicis – человек идеологический:
прошлое и настоящее

Anisiia Tomanek OSVČ

Dr Sergey V. Lebedev,
PhD Galina N. Lebedeva

*Homo ideologicis as an ideological man:
past and present*

Anisiia Tomanek OSVČ

2021

Lebedev, S.V., Lebedeva, G.N. (2021). *Homo ideologicis as an ideological man: past and present* (2nd ed.). Ostrava-Hlučín: Anisiia Tomanek OSVČ.

ISBN 978-80-907957-8-5

The monograph examines the content and evolution of the most influential ideologies of the 19th and 20th centuries, which went down in history as the “age of ideologies” – liberalism, conservatism and socialism. The author analyzes the peculiarities of Russian versions of ideologies, their uniqueness due to the peculiarities of mentality and culture. The “post-classical ideologies” that emerged at the beginning of the 21st century – communitarianism, feminism, anti-globalism – raise the question of either the integrity of society or the possibilities of specific private projects.

The materials of the monograph will be interesting for specialists in the field of Humanities and social sciences, politicians and anyone interested in the problems of political life of humanity.

Edition, correction and proofreading by Anisiia Tomanek OSVČ, 2021.

Copyright © 2021 Sergey V. Lebedev
Copyright © 2021 Galina N. Lebedeva
Copyright © 2021 Anisiia Tomanek OSVČ
All rights reserved.

Сергей Викторович Лебедев
Галина Николаевна Лебедева

Номо ideologicis – человек идеологический:
прошлое и настоящее

Anisiia Tomanek OSVČ
2021

Лебедев, С.В., Лебедева, Г.Н. *Homo ideologicis – человек идеологический: прошлое и настоящее*. 2-е изд. Острава-Глушин: Anisiia Tomanek OSVČ, 2021 – 134 с.

ISBN 978-80-907957-8-5

В монографии рассматривается содержание и эволюция наиболее влиятельных идеологий XIX и XX столетий, вошедших в историю как «век идеологий» – либерализма, консерватизма и социализма. Анализируются особенности российских версий идеологий, их уникальность, обусловленная особенностями менталитета и культуры. Появившиеся в начале XXI века «постклассические идеологии» – коммунитаризм, феминизм, антиглобализм, – ставят вопрос либо о целостности общества, либо о возможностях конкретных частных проектов.

Материалы монографии будут интересны специалистам в области гуманитарных и общественных наук, политическим деятелям и всем, интересующимся проблемами политической жизни человечества.

Издание, правки и корректура Anisiia Tomanek OSVČ, 2021.

Copyright © 2021 Лебедев С.В.
Copyright © 2021 Лебедева Г.Н.
Copyright © 2021 Anisiia Tomanek OSVČ
Все права защищены.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава I. Общая характеристика идеологии	9
Что такое «идеология»?	9
Характерные особенности идеологии	13
Функции идеологии	16
«Предрасположенность» общества к определённым идеологиям	18
Исторические формы идеологий	21
Идеология и пропаганда	23
Проблемы классификации идеологии	26
Левые и правые	29
Глава II. Классические глобальные (или мировые) идеологии	37
Либерализм	39
Консерватизм	47
Социализм	55
Анархизм	60
Анархо-синдикализм	73
Социал-демократия	79
Коммунизм	87
Национализм	90
Фашизм	95
Глава III. «Постклассические» идеологические течения в XXI веке	101
Неолиберализм	102
Неоконсерватизм и «новые правые»	105

Идеологические поиски социалистов	108
Коммунитаризм	111
Феминизм	113
Экологизм	118
Антиглобализм	123
Заключение	128
Список источников информации	130
Об авторах	133

ВВЕДЕНИЕ

Закончившийся XX век можно назвать веком господства великих идеологий. Бесчисленные «измы» определяли всю духовную жизнь человечества, и в новый век мир вошёл под знаменем новых, пока ещё не завоевавших признание идеологий. Впрочем, идеология в широком смысле слова сопровождает человечество на протяжении всей его истории. С полным основанием человека можно назвать *homo ideologicis* – человек идеологический (это будет вернее, чем говорить о «человеке разумном», ведь далеко не всегда люди демонстрируют признак разума).

Человек тем и отличается от животных, что обладает абстрактным мышлением и способен действовать не только под влиянием голода и инстинктов самосохранения и продолжения рода. Во имя своих идеалов люди способны идти на муки и смерть. Но представьте, как была бы скучна истинно животная жизнь (точнее, существование) человека без каких-либо вдохновляющих идей! В определённом смысле деидеологизация общества означает просто деградацию человечества. Пусть уже лучше глупые, «нехорошие» идеологии, чем никаких!

Между тем идеологии, как ни парадоксально, сравнительно мало изучаются академической наукой. Объясняется это весьма просто – все идеологии тенденциозны, и все они претендуют на истинность. Именно поэтому исследователи, при всей своей научной объективности, рассматривая ту или иную идеологическую систему, всегда невольно проявляют свои симпатии или антипатии. Как правило, исследователь в силу своей ангажированности доказывает «правильность» одной идеологии и ошибочность всех остальных.

Но идеология, при всём субъективизме идеологов, всегда возникает объективно, её нельзя сочинить по приказу. Являясь исторически и социально обусловленной, идеология, тем не менее, может

сама выступать активной направляющей силой, поскольку по своей сущности способна не только давать оценку существующему порядку вещей, но и предлагать свою инициативу, побуждая к переменам и действиям.

Человеческое общество представляет собой не просто сумму индивидов, а многообразие различных социальных общностей – наций, классов, конфессий и великого множества других социальных групп. Каждая из социальных общностей имеет свои собственные интересы и поэтому нуждается в идеологии, которая защищает и обосновывает эти интересы. При этом сами эти интересы постоянно меняются. Понятно, что идеологий существует великое множество, и при этом сами идеологии постоянно изменяются, отказываясь от многих своих прежних положений, усваивают часть теорий своих оппонентов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что современный консерватизм отстаивает фундаментальные положения «классического» либерализма, а различные течения в социализме занимают диаметрально противоположные позиции по многим вопросам.

Раз существует феномен идеологии, то должно проводиться и научное изучение этого феномена. Раз все идеологии пристрастны, то для исследователя можно считать необходимым краткое изложение основ идеологии, истории её развития и применения на практике (ведь практика – это критерий истины и для идеологии).

В своей монографии авторы не претендуют на рассмотрение идеологических направлений, существовавших когда-то и существующих в настоящее время. Перед собой они ставили простую цель – показать в самом кратком виде логику зарождения политических идеологий, их основные положения и реализации теорий на практике. Насколько это удалось, судить читателю.

ГЛАВА I.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИДЕОЛОГИИ

Что такое «идеология»?

Слово «идеология» является одним из самых распространенных политических терминов и понятий. Исторически понятие «идеология» впервые ввёл французский философ и экономист А.Л.К. Дестют де Трасси в своём 4-хтомном труде «Элементы идеологии» (1815 г.), обозначая так науку об общих законах развития идей и взглядов из практического опыта человечества. Именно в значении науки об идеях «идеология» рассматривалась большинством мыслителей XIX века, в частности, К. Марксом и Ф. Энгельсом, критикующих различные школы немецкой идеалистической философии под собирательным названием «немецкой идеологии».

Однако уже со второй половины XIX века идеология стала обозначать уже не науку, исследующую идею, а сами идеи. В XX веке под идеологией подразумевают «часть мировоззрения, охватывающая социальные явления, связанные отношениями между социальными группами, принимающая форму коллективных верований система политических, экономических, социальных, правовых, философских, нравственных, религиозных, художественных взглядов и идей, отражающих интересы определённых классов, партий, наций, государств, групп людей»¹. Идеологией называется также «система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные

---

¹ Яценко, Н.Е. *Толковый словарь обществоведческих терминов*. СПб.: «Лань», 1999. С. 144.

проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменения (развитие) данных общественных отношений»².

Разумеется, этими двумя определениями понятия идеологии не исчерпывается, так как время вносит свои поправки к устоявшимся терминам. Ограничимся упоминанием о двух основных подходах к современным идеологиям. Сторонники первого подхода считают, что идеология – это теоретически сформулированное мировоззрение, выполняющее ряд социально значимых функций. Сторонники этого подхода под теоретически сформулированным мировоззрением понимают особую форму духовной деятельности, отражающей реальные интересы классов, классов, социальных групп, этносов, конфессиональных групп, государств и отдельных индивидов, отражающих социально-политическую реальность эпохи.

Вместе с тем любая идеология содержит в себе иррациональные конструкты (мифы, бездоказательные утверждения, апелляцию к стереотипам, утопию). Эту сторону идеологий усиливает потребность в пропаганде (распространении в массах) основополагающих принципов, составляющих идеологию, с целью внесения их в общественное сознание и активизации к массовой практической деятельности. Пропаганда же нуждается в упрощении, к сведению любой теории к набору общих понятий и лозунгов. Не случайно некоторые западные исследователи (М. Шелер, Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Маннгейм, П. Сорокин, и др.) считают идеологию «ложным знанием», обманом и самообманом. (Или, как выразился французский социолог и политолог Р. Арон, «идеология – опиум для интеллектуалов»). С точки зрения сторонников этого направления, любая идеология превращается в утопию, поскольку в XX веке решающим признаком общественного развития стала не

---

² *Философский Энциклопедический Политический Словарь*. М.: Советская Энциклопедия, 1989. С. 206.

борьба идей, а социальных сил и общественных систем. В таких условиях не может и быть и речи о научности любой идеологии, ставшей частью пропаганды.

Итак, наиболее распространённым среди исследователей подходом является отнесение к идеологии достаточно разработанных теорий, пусть даже ложных. Словом, по мнению сторонников этого подхода, идеология – это идеи, приведённые в систему.

Второй подход понимает под идеологией любой способ воздействия на массовое сознание. Таких взглядов придерживались теоретики «новых левых» 1960-70-х годов, в частности, Франкфуртская школа социальной философии. Например, Г. Маркузе считал, что наука и техника стали идеологией. В обыденном сознании часто также распространено подобное расширительное определение идеологии.

Силу сторонникам этого подхода придаёт то, что систематизированность и теоретичность совершенно несвойственны многим влиятельным политико-идеологическим направлениям. Например, либерализм в принципе не является политической доктриной (правда, существует множество либеральных экономических доктрин). С другой стороны, многие сложные и изощрённые политические теории остаются теориями, не составляя определённую идеологическую систему.

Известный немецкий философ К. Маннхейм пытался преодолеть крайности обоих подходов. С его точки зрения, идеология – метод социального познания, макрогипотеза. В этом смысле идеология вполне может быть как утончённой всеохватывающей доктриной, так и совокупностью неопределённых представлений и взглядов.

Следовательно, под идеологией мы понимаем именно систему взглядов, отражающих политические интересы государств, этносов, классов и отдельных индивидов.

Иначе говоря, идеология – это форма социально-обусловленного группового самосознания, выраженная в виде теорий, партийных программ, религиозных, философских и т.п. учений, а также практика.

Сторонники конкретной идеологии, как правило, создают организацию, ставящую политические цели, и стремятся политическими методами прийти к власти, чтобы реализовать на практике свои теории.

Идеология отличается от социальной науки тем, что, используя её готовые выводы, выстраивает определённую модель действий и систему рационализации этих действий, отнюдь не обязательно совпадающих с научными результатами³.

Идеология всегда присутствует в жизни развитого общества. Полной деидеологизации общества быть не может. В современных странах Запада, гордящихся своим плюрализмом, также существуют официозные (общегражданские) идеологии, которые закрепляют формы общественного компромисса. Например, в США общественное согласие почти не ставит под сомнение частную собственность, рынок, демократию, лидерство США над миром и т.д. В этом смысле США являются не менее идеологизированным государством, чем был СССР, несмотря на идеологический плюрализм и отсутствие чётко выраженных доктрин даже в программах, сменяющих друг друга двух партий.

Таким образом, всякое развитое общество есть идеологическое (что не означает идеологизированное) общество.

---

³ Антонович, И.И. *Социодинамика идеологий*. Минск, 1995. С. 4.

Характерные особенности идеологии

Всякая идеология является исторически обусловленной. Каждой эпохе исторического развития человеческого общества соответствуют свои идеологические объяснения существующей реальности. Понятно, что в Древнем Египте при всей интеллектуальной одаренности египтян, не могли появиться идеи рыночного либерализма или марксизма-ленинизма. В свою очередь, хотя и можно предположить, что в США могут найтись сторонники установления в этой стране абсолютной монархии, но вряд ли они найдут достаточное число приверженцев и заинтересуют, скорее всего, не массы граждан, а психиатров.

Разумеется, в истории человеческой мысли многократно встречались случаи, когда теоретики значительно, порой на тысячелетия, опережали своё время. Очень многие идеологические концепции XX века в отдельных своих положениях рассматривались уже древнегреческими учеными и политиками. Однако эти гениальные озарения в древности так и не смогли стать развитыми теориями, нашедшими массу политически организованных сторонников.

Итак, определённой эпохе соответствуют только (или по преимуществу) ей присущие идеологии. Даже самый великий теоретик всего лишь систематизирует те представления, которые, как говорится, «носятся в воздухе». Идеология, таким образом, теоретически обобщает то, что существует в головах людей в форме разрозненных представлений о действительности.

Под исторической эпохой в каждом конкретном случае мы понимаем также и уровень социально-экономического и культурного развития конкретных стран или континентов, поскольку всегда надо делать поправку на то, что в передовых, или, напротив, отсталых, странах, в одно и то же время возникают совершенно различные идеологии. Идеи и программы, которые в одних странах являются уже чисто историческими воспоминаниями, в других

становятся мобилизующей силой, а в-третьих, только начинают звучать как «последнее слово», нечто новое и передовое. Даже если в странах с разным уровнем хозяйственного развития одновременно начинает доминировать общая идеология (например, коммунистическая), то формы её проявления и в теории, и на практике будут принципиально различными. Весь политический опыт XX века свидетельствует о том, что все «общечеловеческие» идеологии в разных странах имели свою национальную специфику.

При изучении появления и развития идеологических течений необходимо учитывать историческую преемственность идеологии. Каждая идеология учитывает представления и понятия предшествующих идеологий, несмотря на то что относится к ним как к «отсталым» или «враждебным».

Очень часто при изучении идеологии какого-нибудь политического движения можно увидеть, что за современной терминологией кроются совершенно архаичные представления. Нередки также случаи «самозванчества», когда пропагандисты определённой идеологии записывают в число своих идейных предшественников и приверженцев национальных героев или мыслителей прошлого, чьи реальные взгляды были совершенно иными.

Идеологии также обусловлены социально. Всякое человеческое общество, вышедшее по уровню развития дальше первобытного, разделено на множество классов и социальных групп. Взаимоотношения между ними по поводу власти (а это основа политики!) вызывают объективную потребность в идеологическом обосновании своих претензий. В силу этого социально-классовый характер имеет любая политико-идеологическая теория, независимо от того, провозглашает ли она открыто, что выражает интересы конкретного класса или претендует на представительство всей «нации», «народа» и т.п. общностей в целом.

Социально-классовой природе идеологии не противоречит весьма частая практика, когда, например, от имени рабочего класса

говорят и действуют социал-демократы, коммунисты, маоисты, троцкисты, а подавляющее большинство рабочих голосует за консерваторов. Весьма частым является существование интерклассовой (межклассовой) теории, предполагающей сплочение всех слоёв общества на основе общей системы ценностей (этнического, конфессионального или политического единства).

Нередко также бывает, что в некоторых странах возникают партии, объявляющие в своих программах борьбу за интересы классов, в тот момент в данных странах отсутствующих. Так, например, в 1970-х годах в целом ряде стран Азии и Африки к власти пришли партии, идеологией которых был марксизм-ленинизм (коммунизм) с его фундаментальной идеей о ведущей роли рабочего класса. Но в этих афро-азиатских странах говорить об этом было затруднительно по причине отсутствия самого рабочего класса.

Нечто подобное имело место в постсоветской России 1990-х годов, когда периодически появлялись на политической сцене партии, возвещающие о своей опоре на «средний класс». Однако в условиях жесточайшего социального расслоения российского общества затруднительно говорить о существовании российского «среднего класса». Неудивительно, что такие партии, хотя и имеющие значительную поддержку из-за рубежа, а также располагающие большими финансовыми средствами, в политике не преуспели.

Итак, идеология всегда объективна, ее нельзя сочинить по приказу. Когда в 1996 году президент России Б.Н. Ельцин заявил о необходимости создания объединяющей национальной идеологии, это свидетельствовало не только об отсутствии какой-либо идеологии у правящей российской верхушки, но и об отсутствии у неё также и умственных способностей. Разумеется, никакой «идеологии» в таких условиях не могло быть создано.

Являясь исторически и социально обусловленной, идеология тем не менее, способна сама выступать активной направляющей силой,

поскольку по своей сущности способна не только давать оценку существующему порядку вещей, но и предлагать ему свою альтернативу, побуждая к переменам и действиям.

Функции идеологии

Идеология появляется в обществе потому, что в ней возникает потребность. Но какие же функции выполняет идеология?

Во-первых, *познавательную функцию*. Каждая идеологическая система предлагает свою совокупность знаний, полученных в сфере духовной культуры и на основе опыта классов и социальных групп. Основываясь на этих знаниях, идеология создаёт свою модель истории человеческого общества и места в ней той социальной группы, этноса или конфессии, интересы которых и обосновывает данная идеология.

Во-вторых, *ценностная (аксиологическая) функция*. Каждая идеология опирается на свою систему ценностей – политических, экономических, правовых, моральных, эстетических, культурных и т.п.

Различия между идеологиями обусловлены именно ценностными ориентациями составляющих частей общества. Поэтому при классификации всех многочисленных идеологических течений именно система ценностей будет, как мы убедимся далее, главным критерием при выделении её в определённую группу («левые», «правые», «крестьянские», «националистические» и т.п.).

Признание определённых идеологических ценностей индивидом обычно способствует также и усвоению определённых норм и правил поведения, а также нередко и предпочтений в области культуры. Гражданин, осознанно разделяющий конкретные идейные ценности в политике, всегда делает сознательный выбор. Как

правило, разделяющие общие ценности объединяются в политические организации (партии) для защиты своих ценностей.

Отсюда вытекает и следующая функция идеологии – *программно-целевая*. Она показывает политические цели, которые надо достигнуть для торжества своих ценностей. В свою очередь, эти цели и способы их реализации, нуждаются в изложении их в специальном документе – политической программе.

Далее можно выделить *организующую функцию* идеологии. Люди, имеющие сходные политические убеждения, для достижения своих целей сплачиваются в политическую организацию. Часто такие группы единомышленников превращаются в устойчивые социальные общности людей со своими традициями, чертами поведения, особым мировосприятием и даже со специфическим языком, не всегда понятным посторонним. Идеологическое единство часто создаёт чувство групповой солидарности, сравнимое с этническим или культурным единством.

Политические убеждения часто можно установить по его внешнему виду, например, по ношению определённых элементов одежды, значков или других символических знаков, особой причёске, а так-же по использованию особой лексики. Подобный внешний вид играет такую же роль, как и военный мундир, сразу выделяя политического активиста в толпе, в то же время объединяя его со «своими». Так, в конце XIX века во Франции бонапартисты носили в петлице пиджака пармскую фиалку (поскольку жена Наполеона I после крушения империи стала герцогиней Пармской), а в Германии в период запрета социал-демократической партии в 1878-90 годах, члены этой нелегальной партии узнавали друг друга по красной гвоздике, дешёвому, чисто пролетарскому цветку. Когда в 1980-х годах в Турции установилась военная диктатура, запретившая все политические партии и всякую политическую деятельность, особенно в университетах, то одним из первых указов военного режима стало требование всем студентам носить

одинаковую причёску во имя «национального единства». Подобный указ был вызван тем, что среди турецких студентов поклонники ультралевых идей носили длинные волосы под Че Гевару, сторонники фашистской организации «Серые волки» – длинные «османские» усы, а исламские фундаменталисты брили голову, но зато отпускали окладистые бороды. Турецкие генералы почему-то считали, что, введя одинаковую причёску, они добьются одинаковых мыслей у студентов.

Можно выделить также *мобилизующую функцию*, когда осуществляется конкурентная борьба с представителями других идеологий.

И наконец, идеология обладает *прогностической функцией*, т.е. она моделирует будущее общество, к которому призывает стремиться своих сторонников.

Таким образом, идеология направляет, развивает, упорядочивает, развитие общества. Без идеологии невозможно поступательное развитие политики, экономики и культуры, иначе наступает хаос во всех сферах общества. Лучше глупая идеология, чем никакой.

«Предрасположенность» общества к определённым идеологиям

Хотя последователи каждой идеологии считают её единственно правильной, всё же идеологических направлений всегда бывает больше одного. История человечества знает множество примеров, когда все люди, не разделяющие официальную идеологию, подвергались преследованиям вплоть до физического истребления (зато очень редки случаи толерантного отношения к чужим идеологическим воззрениям).

Можно также отметить, что бывает определённая «предрасположенность» общества к усвоению конкретной идеологии. Бывают обстоятельства, как правило, уникальные в каждом конкретном случае, когда определённая идеология, или точнее, группа близких идеологий, доминирует в умонастроении.

Так, например, в России начала XX века, в условиях сочетания сразу нескольких кризисов, широчайшее распространение получили различные социалистические теории (марксистские, народнические, анархистские). Сторонники несоциалистических идей в общественном сознании были слишком связаны с дискредитировавшей себя монархией. То, что победили большевики, объяснялось субъективными факторами (организованностью большевистской партии, качествами Ленина как политического лидера, ошибками и нерешительностью других социалистических партий, например, эсеров, и т.д.). «Предрасположенность» к усвоению именно социалистических теорий в России определилась тысячелетней традицией общинного коллективизма, слабостью и неавторитетностью российской буржуазии. Интернационализм социалистической идеологии также был привлекателен для трудовых масс полиэтнического населения Российской Империи.

Когда к этим факторам добавились дискредитация традиционных православно-монархических представлений под влиянием событий «Кровавого воскресения», распутинщины, неудач в Первой Мировой войне и т.д., а также обострения нужды и бедствий масс в результате кризиса и разрухи в 1914-17 годах, то революционный взрыв, причем именно под социалистическими лозунгами, был неизбежен. Характерно, что восстание в Петрограде в феврале 1917 года, приведшее к свержению монархии, носило чисто стихийный характер. За последовавший за тем год происходила ожесточённая борьба между различными социалистическими партиями, причём после взятия власти большевиками эта борьба приняла вооружённый характер. Только с осени 1918 года во главе антибольшевистских сил стали доминировать «белые», враждебно

относящиеся ко всем социалистам. Но и белые не смогли выдвинуть достаточно приемлемую для всех слоёв населения программу. За все время Гражданской войны белые ограничивались, помимо критики большевизма, лозунгом «непредрешенчества», т.е. отказывались назвать тот политический и социальный строй, который они хотели бы видеть в России. Вероятно, именно отсутствие мобилизующей идеологии, а не военные факторы, привели белых к поражению.

Подобное сочетание разнообразных объективных и субъективных факторов привели к победе национал-социалистов в Германии в 1933 году или исламистов в Иране в 1979 году.

Разумеется, падение влияния официальной идеологии совершенно не означает немедленного распространения альтернативной идеологии и, тем более, её победы. Так, в США официальная идеология не носит характер теоретической доктрины и партийных программ. Однако в США есть некоторые принципы, которыми руководствуются правящие круги страны и которые разделяет основная часть американцев. В частности, к этим принципам относятся индивидуализм, свободное предпринимательство и демократия. Когда в период Великой Депрессии 1929-33 годов идея свободного предпринимательства дала трещину, в США на какое-то время распространились марксистские взгляды, в результате чего 1930-е годы вошли в историю США как «красные 30-е». Похожее было в США в 1960-е годы, когда поражение во Вьетнаме, расовые конфликты, Уотергейтский скандал, инфляция и пр., привели к серьёзному кризису американских ценностей и кратковременному распространению самых разнообразных радикальных теорий. Тем не менее, в обоих случаях официальная американская идеология устояла, что объяснялось скорее не её собственной крепостью, а чрезвычайной раздробленностью альтернативных идеологических концепций вместе с отсутствием единой доминирующей новой теории и вдохновляющейся ею политических лидеров.

Поэтому, хотя политических идеологий всегда бывает много, но можно выделить страны, в определённые исторические моменты более предрасположенные к усвоению конкретной идеологии. Заметим, что доминирующей эту идеологию делает не её истинность, а исторические и социологические причины.

Поэтому при изучении современных политических идеологий нам не обойтись без краткого историко-социологического экскурса в жизнь государств, в которых конкретная идеология и особенно политическая практика проявили себя особенно ярко. В противном случае разговор об идеологии «вообще», вне исторического и социального контекста будет или посвящён взглядам отдельных теоретиков или будет носить схоластический характер.

Таким образом, идеология всегда объективна, её нельзя сочинить по приказу. Являясь исторически и социально обусловленной, идеология тем не менее, способна сама выступать активной направляющей силой, поскольку по своей сущности способна не только давать оценку существующему порядку вещей, но и предлагать ему свою альтернативу, побуждая к переменам и действиям.

Исторические формы идеологий

О времени появления идеологии у исследователей существуют два противоположных подхода. Сторонники первого из них считают, что идеология существует с того момента, как человек приобрёл абстрактное мышление, т.е. с момента появления *Homo sapiens*, или, по крайней мере, с появления классового общества. Идеология носила характер религиозных представлений, затем появляется теоретическая форма идеологии в виде философии, и лишь с начала Нового Времени идеология приобретает черты «гражданской религии», становясь тем, чем идеология считается в наши дни.

Думается, что этот подход чрезмерно модернизирован и, что самое главное, смешивает мировоззрение и религию с идеологией.

Более распространён другой подход, согласно которому идеология как таковая появляется лишь с XVII-XVIII веков, после секуляризации (обмирщения) общественного сознания, когда можно говорить о возникновении в Западной Европе «идеологического общества». Идеологии, даже ориентированные на защиту религии, приобретают светский вид и призваны мобилизовывать массы на определённые социальные акции. С этим подходом согласны большинство исследователей.

Конечно, своеобразную «предидеологию» можно выделить уже в Древнем мире, поскольку уже тогда религиозные и политические деятели нуждались в обосновании своих требований. Распространение и победа христианства в Римской Империи имеет все черты распространения любой светской социально-политической идеологии XX века. Почти все современные идеологические концепции в той или иной степени разрабатывались ещё античными мыслителями. Стоит ли удивляться, что так много политических терминов современности заимствованы из древнегреческого или латинского языков?

Тем не менее, век идеологии наступил значительно позднее, когда борьба между классами приняла открытый характер, в политической жизни активно и постоянно стали участвовать массы, огромное влияние приобрели газеты, а затем и иные средства массовой информации (СМИ), а политика перестала быть делом узкого круга аристократов.

В целом, «веком идеологии» можно будет считать два столетия – от Великой Французской революции 1789 года и примерно, до второй половины XX века. Начиная с конца XX века идеологии постепенно теряют свою всеохватность, и претензии на полную истинность. Наступает эпоха постмодерна, суть которого характери-

зуют как эпоху исчезновения глобальных философских систем, пытающихся объяснить этот мир.

Также и рассматривать современные политические идеологии мы будем за время с 1800 по 2000 годы, хотя, как уже отмечалось, практически у каждой идеологии современности корни уходят в гораздо большую древность.

Идеология и пропаганда

Любая идеология нуждается в распространении в массах. Собственно, именно в этом состоит одно из главных отличий идеологии от социальной науки. Идеология не должна быть уделом узкого круга интеллектуалов, запершихся в башне из слоновой кости. Следовательно, идеология становится таковой лишь после завоевания большей или меньшей популярности в народе.

Распространение определённых политических представлений среди потенциальных сторонников в русской научной литературе называется агитацией и пропагандой. Различия между ними впервые выделил ещё в 1892 году Г.В. Плеханов. С его точки зрения, ставшей канонической для большевиков, а затем и для всей отечественной науки, агитация – привнесение в массы идей и лозунгов, пропаганда же означает распространение идеологии в целом. Среди западных исследователей и агитация и пропаганда одинаково считаются пропагандой.

После Второй мировой войны, когда на примере нацистов человечество убедилось в возможности оболванивания масс пропагандистскими методами, само понятие «пропаганда» стало иметь негативный оттенок. Впрочем, ещё в конце 1930-х годов. Правительство Великобритании создало специальное министерство, по своим функциям напоминающее министерство пропаганды

«Третьего Рейха», но под названием Министерство информации, что само по себе было примером пропаганды. В наши дни вместо однозвучного термина «пропаганда», чаще всего, используют эвфемизмы типа «распространение информации» или «свободное мнение», хотя, в сущности, всё это остаётся пропагандой.

Но что же это такое? Вот какое определение пропаганды дал ещё в 1957 году английский исследователь Л. Фрезер: «Пропаганду можно определить как искусство принуждения людей делать то, что бы они не делали, если бы располагали бы всеми относящимися к ситуации данными»⁴. Однако, думается, пропаганда не должна считаться синонимом обмана.

Термин «пропаганда» появился с исторической точки зрения недавно – в 1622 году в Ватикане руководство католической церкви создало “*Congregatia propaganda fide*”, т.е. конгрегацию пропаганды веры. Впрочем, первыми историческими образцами пропаганды, дошедшими до нас, можно считать надписи древних царей Востока на скалах или на стенах дворцов. В античной Греции и Риме пропаганда приобрела многие черты, характерные и для современной политической жизни. Например, дошедшие до нас предвыборные надписи на стенах домов в древних Помпеях, восхваляющие или критикующие кандидатов на городские должности, вполне могут быть размещены на современных предвыборных плакатах.

С появлением печатного станка и газет (первая в мире газета «Ньюве Тийдинген» вышла в 1605 году в Бельгии, с 1666 года в Германии стала выходить ежедневная газета «Лейпцигер цайтунг») политическая пропаганда поднимается на новый уровень. Со второй половины XIX века газета по-настоящему превращается в главный рупор пропаганды. Возникает «массовая» пресса, издаваемая миллионными тиражами и, при всей внешней независимости, отражающие определённые социальные и политические интересы.

---

⁴ Frazer, L. (1957). *Propaganda* (p. 1). L.

К официальным и официозным изданиям добавляются партийные издания. Впрочем, теперь не только партии издают газеты, но и сами партии возникают вокруг газет (можно вспомнить роль «Искры» в создании большевистской партии). Газеты навязывают мнения, диктуют моды и вкусы и, наконец, формируют общественное мнение (а не отражают его).

С появлением радио и телевидения происходит качественный скачок в развитии пропаганды. Неграмотный человек или принципиально не читающий газеты чужих партий преданный активист не могут игнорировать мнение электронных СМИ. Избиратели уже не вчитываются в пункты партийных программ, а голосуют за того кандидата, который хорошо смотрится на голубом экране. Под умелыми руками имиджмейкеров возникает особый виртуальный мир, не существующий в реальности, но оказывающий порой определяющее влияние на современную политическую жизнь. Классическим примером того, как с помощью СМИ можно из ничего создавать политическую партию, могут считаться парламентские выборы в России осенью 1999 года, когда победителем оказалась только созданная, поистине виртуальная партия «Медведь», не имеющая никакой идеологии (что совершенно странно для партии).

«Век идеологии», о котором говорилось выше, был бы невозможен без развития возможностей пропаганды. Но доведение до совершенства возможности манипуляции общественным сознанием приводит к определённой «деидеологизации» современного мира, т.к. теперь «чистота» идеи уже не определяет поведение избирателей и политических активистов. Таковы парадоксы технического прогресса в идеологической жизни человеческого общества.

Со второй половины XX века широкое распространение в научной литературе и в публицистике получило понятие «манипуляция сознанием». По мнению современного исследователя политических манипуляций С.Г. Кара-Мурзы, манипуляция «во-первых, это

– вид духовного, психологического воздействия (а не физическое насилие или угроза насилия). Мишенью действий манипулятора является дух, психические структуры человеческой личности... во-вторых, манипуляция – это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции... в-третьих, манипуляция – это воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний»⁵. Как видим, манипуляция есть более широкое понятие, чем пропаганда, которая является лишь частью манипуляции. Если пропаганда стремится внести в массы какую-либо идеологию, то для манипуляторов главным является заставить человека предпринять определённые действия независимо от реальных убеждений и потребностей человека. В этом смысле манипуляция становится технологией и не является теоретическим сознанием общества. К счастью или несчастью, несмотря на все успехи в манипулировании сознанием, до сих пор политические идеологии продолжают сохранять ценность для многих и многих людей.

Проблемы классификации идеологии

Парадоксально, но классифицировать идеологии гораздо сложнее, чем дать определение идеологии. Поскольку почти каждый классификатор является сторонником одной из идеологий, то все остальные он склонен относить к «неправильным», «реакционным» и т.п., что оказывает воздействие на классификацию. Неслучайно некоторые исследователи вообще отказываются от всякой классификации. Так, современный российский автор В.П. Макаренко просто ограничился перечислением идеологий в такой последовательности – либерализм, консерватизм, марксизм, социализм,

---

⁵ Кара-Мурза, С.Г. *Манипуляция сознанием*. М. 2001. С. 16-17.

феминизм, экологизм, коммунитаризм, национализм⁶, отказавшись выделить то общее, что свойственно всем идеологиям.

Тем не менее, можно выделить несколько типов классификации идеологий:

1. В зависимости от социально-классовой опоры. Этот подход особенно присущ марксизму и оказывает воздействие на почти всех исследователей идеологии в XX веке. В соответствии с этим подходом все политические идеологии отражают только и исключительно интересы определённых классов и слоев общества. Стало быть, и идеологии во всех своих разновидностях делятся на число классов и социальных групп, существующих в данный момент в данном обществе. Следовательно, идеологии делились на буржуазную, мелкобуржуазную и пролетарскую. Взаимоотношения между этими идеологиями носят характер идеологической борьбы, которая, в свою очередь, есть разновидность классовой борьбы.

При всей несомненной убедительности классовая классификация склонна слишком упрощать реальные политико-идеологические процессы, не учитывать социальное и идеологическое разнообразие человеческого существования (например, под «мелкой буржуазией» подразумевается слишком большое число самых различных социальных слоёв с противоположными устремлениями, составляющих большую часть населения практически всех стран мира). Наконец, сами основатели марксизма признавали, что классовое сознание совсем не обязательно определяется классовой принадлежностью. Многие политико-идеологические явления, такие, как подъём религиозного фундаментализма, антикоммунистические рабочие движения типа польской «Солидарности» 1980-х годах трудно объяснить, исходя из классового подхода.

В наши дни как политические теоретики, так и исследователи идеологий, признавая социально-классовую природу идеологий,

---

⁶ Макаренко, В.П. *Главные идеологии современности*. Ростов-на-Дону, 2000.

тем не менее, вынуждены учитывать также исторические традиции изучаемой страны, особенности менталитета её этносов, экономические, геополитические, демографические и другие факторы, оказывающие влияние на идеологическую жизнь каждой страны. Правда, в таком дополнении к социально-классовой классификации идеологий кроется опасность впасть в другую крайность: если традиционный классовый подход склонен всё предельно схематизировать, то теперь можно утонуть в частностях и не увидеть общих закономерностей.

2. Часто политические идеологии классифицируют по отношению к существующей власти. В этом смысле можно выделить те идеологические направления, которые защищают существующий социально-экономический строй («консерваторы»), признают необходимость эволюционных изменений в рамках существующей системы («либералы»), и теоретические представления сторонников коренных преобразований общества («радикалы»). Не только в обыденном сознании простых граждан-избирателей, но и в солидных изданиях часто именно по этому критерию партии делятся на консервативные или радикальные. Однако (как мы увидим далее), либерализм и консерватизм являются не только обозначением политической позиции, но также и темперамента, определенных философских направлений, и, наконец, либерализм и консерватизм существуют как систематические политические и экономические теории. Таким образом, данная классификация порождает путаницу, поскольку действительно легко смешать консерватизм как членство в Консервативной партии, как лояльность правительству, как нелюбовь к переменам, как консерватизм в области культуры, как сочувствие консервативной идеологии. То же самое можно сказать и о многозначном понятии «либерализм».

3. Нередко идеологии подразделяют на социальные, националистические и религиозные (клерикальные), взяв за основополагающий принцип при выделении идеологии защиту соответственно общественных групп, этносов и конфессий. Легко заметить, что

данная классификация является дополнением к классовому подходу. Данная классификация грешит упрощенностью, ведь «чисто» националистической или социальной идеологии нет. Любая социальная теория всегда учитывает особенности народа своей страны, черты его культуры и менталитета, которые невозможно понять без учёта доминировавшей (пусть даже в прошлом) религии. В свою очередь, даже религиозно-политические идеологии, черпающие основу своих концепций в священных текстах, не могут игнорировать социальные проблемы. Кроме того, в данной классификации весьма сложно найти соответствующую графу для экологических или феминистских идеологических направлений.

Думается, что истина, как всегда, посередине. Идеологии можно классифицировать, но вряд ли можно свести воедино все идеологические направления, течения, теории и доктрины. Слишком отличаются исторические, культурные и т.п. особенности разных стран мира, в которых определённое развитие получали те или иные теории. В этом смысле можно попытаться создать лишь частные классификации родственных идеологий, получивших развитие в конкретные исторические промежутки времени.

Левые и правые

История общественной мысли (к которой относится и история идеологий) развивается по своим законам. В частности, устоявшиеся термины и понятия, продолжают существовать даже после изменения или даже исчезновения условий, при которых появляются эти термины. Так, существующие уже свыше 200 лет понятия «левые» и «правые» продолжают и поныне господствовать при характеристике идеологических полюсов.

С тех пор, как 11 сентября 1789 года, во время заседания Учредительного Собрания Франции при обсуждении статей первой французской конституции сторонники короля разместились справа от председателя, а сторонники верховенства парламента – слева, деление на левых и правых остаётся в основе большинства классификаций социально-политических идеологий. Как пишет известный западный политолог Р. Инглехард, «Ось «левые – правые» как политический концепт является абстракцией высокого уровня, применяемой в качестве обобщённой характеристики позиций людей по важным политическим вопросам, стоящим в повестке дня. Она служит средством описания сложной политической реальности, организуя и упрощая её, ориентиром среди потенциально бесконечного числа проблем, политических партий и социальных групп»⁷. В соответствии с устоявшимися представлениями, левые считаются сторонниками социальных изменений, проведения радикальных реформ и создания качественно нового общества, правые – за сохранение статус-кво, за традиционный порядок вещей⁸. И вот уже свыше 200 лет Французская революция остается пробным камнем идеологической позиции политических партий и организаций вплоть до сего дня. Левые продолжают развивать и углублять идеологические ценности революции, правые – защищают те ценности, которые революция пыталась опровергнуть.

Разумеется, только этим не исчерпывается различие левых и правых. В странах Западной Европы, особенно во Франции, где и появилось подобное деление, левые традиционно считаются противниками официальной Церкви (собственно, в XIX в. основой различия было именно отношение к религии). В силу этого, до сих пор за левые партии в Европе голосуют большинство атеистов или

---

⁷ Inglehart, R. (1990). *Culture Shift in Advanced Industrial Society* (p. 202). Princeton University Press.

⁸ Lipset, S.M., Lazarsfeld, P.F. et al. (1954). The psychology of voting. *The handbook of social psychology*, 2, 1124-1176.

представители религиозных меньшинств. Помимо этого, в Западной Европе (но не в России) левые демонстрируют большую свободу взглядов по вопросам морали. Не случайно в числе фундаментальных ценностей западноевропейских левых является право на развод, защита сексуальных меньшинств, отрицание навязываемой христианской морали и т.д. Соответственно правые выступают за старые добрые ценности, национальные традиции, здоровую мораль и пр. Разумеется, на деле всегда существуют «передовые» правые и защищающие традицию левые. В целом на уровне обыденного сознания, правые остаются консерваторами, а левые – новаторами.

Однако фундаментальные различия левых и правых заключаются в отношении к социальным проблемам общества. Расхождение 1789 года было вызвано в основном отношением к основному лозунгу Великой Французской революции «Свобода, равенство, братство!». Левые в этой исторической триаде делают бескомпромиссный упор на равенстве, даже если во имя равенства придется ограничить свободу. В силу этого к левым относят все те партии и организации, которые своей стратегической целью ставят создание бесклассового общества социального равенства. Разумеется, среди левых могут быть как умеренные сторонники реформ, смягчающих социальные контрасты, так и радикальные последователи теорий, проповедующих ликвидацию существующих классов посредством террора и экспроприации.

Правые же считают, что социальное равенство между неравными от природы людьми невозможно и что главной задачей политики является создание таких условий, когда социальные различия будут смягчаться при посредничестве государства. Равенство возможно лишь как юридическое равенство (принцип «один человек – один голос»), а в социальной области допустимо лишь «равенство старта». Иначе говоря, общество и государство должны обеспечить возможность стартовать в жизнь при примерно равных условиях, но как далеко продвинется в этой жизни индивид – дело его

собственных способностей. В этом смысле можно сказать, что в триаде Французской революции правые делают упор на свободе, подразумевая в первую очередь экономическую свободу. Вот такое определение всем правым даёт современный французский теоретик «новых правых» А. де Бенуа: «Правым я называю чисто условно такое поведение, которое считает чисто позитивным существующие различие в мире и, следовательно, относительное неравенство, являющееся их неизбежным результатом, а негативным – постепенную гомогенизацию мира, которую провозглашает и осуществляет тысячелетняя идеология равенства»⁹.

Легко заметить, что главным камнем преткновения между левыми и правыми является частная собственность. Для правых она священна и неприкосновенна. Именно собственность делает индивида свободным. Для левых же частная собственность есть зло, которое или надо ограничить (для умеренно левых типа социал-демократов) или полностью ликвидировать (для наиболее последовательных левых типа русских большевиков).

Если попытаться дать определение правым и левым идеологиям, выделив в них принципиальные расхождения, то можно отметить, что для левых присуще стремление к социальным реформам и даже революции, приводящим к ликвидации социальных противоречий, для правых идеалом является иерархичное общество, базирующееся на национальных традициях и частной собственности.

Неравенство, являющееся основой правых концепций, распространяется и на всё человеческое общество. Неравны не только индивиды, но и нации, расы и государства. В этом смысле к правым идеологиям можно отнести также все расистские и шовинистические теории и концепции, одобряющие дискриминацию по расовому или этническому признакам. Можно сказать так, что при оценке третьего элемента триады 1789 года для левых все люди –

---

⁹ Benois, A. (1978). *De Vu de droite: Anthologie critique des idées contemporaines* (p. 16). Paris.

братья. В силу этого левые являются интернационалистами, защищающими интересы угнетённых нацменьшинств (не случайно и в наши дни в Европе национальные и расовые меньшинства, иммигранты больше склонны голосовать за левых). «Полевение» Европы в 1990-е годы, когда левые партии пришли к власти в 12 из 15 стран Европейского Союза, напрямую связано с «посмуглением» Европы, т.е. быстрым увеличением доли цветных иммигрантов в общей численности населения страны. До сих пор большинство арабов Франции, или индийцев Великобритании, голосует за левых. По мере того, как происходит социальное расслоение иммигрантов и по мере дальнейшей интеграции их в жизнь страны пребывания, начинает расти доля и правых избирателей среди цветных. Появляются термины типа «черного торизма», обозначающего чернокожих сторонников Консервативной партии Англии или мусульмане-голлисты Франции. Тем не менее, в основном для современных левых все же до сих пор характерна поддержка требований нацменьшинств, что вытекает из приоритетности для левых социальных проблем.

Однако деление на левых и правых не может учесть все особенности социально-политического и культурного развития многих конкретных стран мира. Так, в США и ряде англосаксонских стран основная ось идеологических расхождений проходит по линии либерализм-консерватизм. Правыми и левыми в США обычно именуют небольшие радикальные группы, которых бы в Западной Европе отнесли бы к ультраправым (т.е. крайне правым) типа Ку-Клукс-Клана или бэрчистов, и к ультралевым вроде организаций троцкистов или ортодоксальным коммунистам. В России сами левые и правые партии должны подразделяться на «западников» и «славянофилов». Пока же наиболее чётко лево-правое деление может быть применимо к Западной Европе и, в меньшей степени, в Латинской Америке.

Для европейских стран уже давно можно говорить о существовании не только традиционных групп избирателей, зачастую уже на

протяжении нескольких поколений голосующих за определённые левые или правые партии, но и о наличии своеобразной левой и правой политических субкультур. Принадлежность индивида к какой-нибудь субкультуре проявляется в партийном членстве, дисциплине голосования, использовании специфического жаргона.

Во многих европейских странах можно выделить регионы, традиционно голосующие только за левые или только за правые партии. Так, во Франции география выборов мало изменилась за двести лет. Юг Франции и «красный пояс» пригородов Парижа поддерживают самые левые партии, западная часть страны остается «белой», консервативно-католической, Париж и области на границе с Германией и Швейцарией считаются либеральными. В Италии полвека со времени Второй Мировой войны также существовали регионы, где доминировала определённая партия. Так, треугольник городов Милан-Турин-Генуя называли «красным треугольником» из-за монополии в местных органах власти нескольких левых партий, средняя Италия была «белой», в которой правили христианские демократы, а крайний юг страны был «чёрным», будучи оплотом неонацистов.

Помимо региональных, существуют и возрастные предпочтения к левым или правым партиям. Считается, что молодёжь более симпатизирует левым. Во Франции даже существует пословица: «Кто не был левым в двадцать лет, не имеет сердца, но кто остался левым в сорок – не имеет головы». Почему? На это отвечает другая пословица: «Сердце у человека – слева, но кошелёк расположен справа». В самом деле, в молодые годы человек критически воспринимает несовершенство этого мира, а многочисленные левые концепции предлагают разнообразные варианты построения передового общества. Но по мере того, как годы идут, растёт семья, тяжёлым трудом приобретается материальный достаток и обретается также определённый житейский опыт, левые идеи теряют своё очарование. Зато правая идеология защиты частной собственности, семейного очага, патриотизма, непреходящих национальных ценностей

становится очень привлекательной. Думается, что рост популярности идеологии «новых левых» в конце 1960-х годов напрямую связан с последствиями послевоенного «бэби-бума», когда молодёжь и подростки стали составлять значительную часть населения стран Западной Европы и США. Аналогичным образом, «консервативная революция» 1980-х годов, связанная с именем М. Тэтчер и Р. Рейгана, была бы маловероятна без учёта того обстоятельства, что ко времени этой исторической эпохи постаревшее, но сохраняющее свою активность весьма многолюдное поколение, родившееся в первые два десятилетия XX века, не стало определять политические моды и вкусы в ведущих странах Запада.

Аналогичным образом считается, что женщины больше склонны поддерживать правые партии, поскольку те всячески акцентируют свое стремление к защите семейного очага и старых добрых моральных ценностей.

В большинстве западноевропейских и ряде латиноамериканских стран, имеющих давнюю традицию партийной борьбы, большинство избирателей довольно твёрдо определяют себя по своим политическим взглядам и по электоральному поведению, как левых или правых. Так, в Германии находят своё место на шкале «левые – правые» 93% граждан, в Испании – 79%, в Чили – 83%¹⁰.

В целом в ведущих странах Западной Европы после 1945 года у власти в основном находились правые партии. Считается, что правые у власти – это экономический рост. Однако на обочине экономического процветания остаются широкие массы недовольных. В обществе накапливается чреватый социальным взрывом «горючий материал». В результате меняются общественные настроения и к власти приходят левые партии.

Левые у власти – это социальные реформы, рост благосостояния трудящихся, национализация частных предприятий, но также и

---

¹⁰ *Ж-л ПОЛИС*, 1993, №2. С. 177.

бюрократия, инфляция, экономический кризис. Приходя к власти, левые осуществляют преобразования в интересах широких масс тружеников, расширяя социальные льготы, увеличивая расходы на социальные нужды, проводя национализацию экономики. Для управления национализированным сектором народного хозяйства создаётся многочисленный управленческий аппарат, что вызывает рост бюрократизма. Одновременно повышение зарплаты, увеличение пособий и прочих социальных расходов вызывает рост инфляции. Усиливается недовольство левым правительством, маятник общественных настроений сдвигается вправо, и правые приходят к власти.

Однако отменить результаты проведённых левыми реформ правые не в состоянии и поэтому они вынуждены, пусть и с недовольством, учитывать все изменения в обществе и руководствоваться этим обстоятельством в своей политике. Как видим, левые в основном заняты сглаживанием социальных противоречий, которые возникают при правлении правых.

Однако, деление идеологий на левые и правые не может объяснить многие социально-идеологические феномены. «Лево-правая» классификация не может эффективно объяснять идеологические направления за пределами западной Европы. В силу этого возникает потребность в более представительной классификации.

ГЛАВА II.

КЛАССИЧЕСКИЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ (ИЛИ МИРОВЫЕ) ИДЕОЛОГИИ

Если брать в идеологии степень охвата, то идеологии могут делиться на глобальные, претендующие на объяснение всех фактов мироздания, и на частные, затрагивающие лишь одну проблему. Ко второй категории идеологий можно отнести национализм, являющийся, в сущности, самой распространённой из мировых идеологий, но всё же затрагивающий лишь частные проблемы конкретных этносов, а также такие идеологические направления, как антиклерикализм, различные варианты правого или левого радикализма. Большинство частных идеологий отражали конкретные проблемы отдельных государств и этносов в определённый исторический период (например, бонапартизм, голлизм, перонизм, и пр.).

В истории общественной мысли неоднократно возникали идеологии, также претендующие на глобальность (например, ранее фашизм, в наши дни – феминизм, экологизм), однако их всё же можно отнести к частным идеологиям. Впрочем, некоторые из них в дальнейшем могут превратиться в глобальные идеологии.

В этом смысле лишь три глобальные группы идеологий (или мегаидеологии) могут считаться глобальными – либерализм, консерватизм и социализм. При всей теоретической изощренности теоретиков и пропагандистов каждой из мегаидеологий эти группы идеологий потому и являются глобальными, что защищают одну из важнейших для человека ценностей. Для либерализма главной ценностью является свобода, для консерватизма – порядок, для социализма – справедливость.

Разумеется, все эти мегаидеологии теснейшим образом связаны друг с другом. Без существования глобального «другого» ни одна из глобальных идеологий существовать не может. Либерализм невозможен как идеология без консерватизма и социализма. Аналогичным образом, консерватизм может быть понят лишь в противопоставлении либерализму и социализму. Все эти мегаидеологии имеют свои корни в самой сущности человека. В самом деле, каждый индивид накапливает опыт поколений предков (консерватизм), стремится быть свободным (либерализм), и жаждет справедливости (социализм).

Теоретические обоснования глобальных идеологий находятся в глубинах веков. Уже в глиняных книгах или папирусах мыслителей Древнего Востока содержатся многие гениальные догадки и озарения, которые стали составной частью многих политических доктрин современности. Однако, по-настоящему мегаидеологии развиваются во всеобъемлющие теории лишь в «век идеологии». После Великой Французской революции, на основании осмысления её трагического опыта, либерализм, консерватизм и социализм, высказывают своё видение мира и свой проект его организации.

При рассмотрении этих мегаидеологий в «век идеологии» необходимо иметь в виду ещё то обстоятельство, что теоретическое обоснование каждой мегаидеологии отличается от другой. Так, либерализм представляет собой совокупность основополагающих принципов, поэтому исследователь вряд ли сможет выделить расписанную по пунктам доктрину либерализма. Консерватизм так же заключается в системе ценностей, отстаивание которых и является политическим консерватизмом. При этом, поскольку консервативные ценности в каждой стране основаны на исторической традиции страны, то и консервативная идеология каждой страны своя. По этой причине изучение идеологии консерватизма можно свести к истории конкретных политических партий консервативного направления в отдельных странах. Зато социализм представлен громадным количеством философских, экономических,

политических доктрин и теорий. Поэтому исследователь социалистической идеологии должен будет «перелопатить» огромное количество теоретических трудов и пропагандистских материалов различных партий и организаций. В данной работе также разбор социалистических концепций в силу этого будет занимать большой объём.

Либерализм

Понятие «либерализм» образовано от латинского слова *liberalis* – касающееся свободы, свободный. Термин «либерализм» возник в Испании в 1812 году, (так называли себя во время войны с наполеоновскими захватчиками сторонники конституции, отличаясь тем от защитников прежней абсолютной монархии), то есть, как это ни странно, несколько позднее появления либерализма как идеологии.

Либерализм (или предлиберализм) сложился уже в XVII-XVIII веках. Родоначальниками раннего либерализма считаются философы Дж. Локк (1632-1704 гг.), Д. Юм (1711-1776 гг.), Ш. Монтескье (1689-1755 гг.), Дж. С. Милль, экономисты А. Смит (1723-1790 гг.). В конце XVII века в Англии возникла партия вигов, последовательно отстаивавшая принципы, которые в дальнейшем стали считаться либеральными. Не случайно, впоследствии, уже в середине XIX века, виги стали официально называться Либеральной партией Великобритании. В XVIII веке многочисленные концепции «просвещённого абсолютизма» также основывались на защите политических принципов, многие из которых легли в основу либерализма. Таким образом, либерализм может считаться первой из глобальных идеологий по времени происхождения.

Среди принципов классического либерализма следует отметить следующие:

- людей разъединяют ненависть, страх, жадность, алчность и другие страсти, которые разрушают их общность (Гоббс), а также их неудовлетворенные потребности (Локк);
- жизнь отдельного человека первична по сравнению с существованием гражданского общества, являющегося материальным воплощением человеческих решений, созданным для защиты естественных прав каждого индивида на жизнь, свободу и собственность;
- такие общества представляют собой объединения людей, в соответствии с «социальным контрактом» формирующих правящий строй, цель которого – обеспечить максимальную защиту прав людей;
- человеческие существа действуют под влиянием страстей, а не разума.

Таким образом, политику либерализма можно охарактеризовать как взаимодействие противоборствующих необузданных интересов. Управление сводится к руководству или манипулированию соперничающими сторонами во имя сохранения мира и защиты прав человека.

Либеральная философия составляет теоретическую основу Декларации независимости США 1776 года и основных статей Конституции 1789 года. Во время процесса ратификации (1787-1788 гг.) представители штатов, выступавшие против Конституции, выражали озабоченность по поводу того, что её либерально-экономические положения будут способствовать распространению пороков и роскоши и приведут к коррумпированности общества. Они вынудили федералистов, поддерживавших Конституцию, признать, что стабильное общество должно основываться на добродетели его членов.

В XIX веке, особенно после наполеоновских войн, либерализм стал одним из ведущих идеологических течений мира. Теорию и практику либерализма развивали такие выдающиеся мыслители, как экономисты Д. Риккардо (1772-1822 гг.), Ж.-Б. Сэй (1767-1832 гг.), философы Дж. С. Милль (1806-1873 гг.), И. Бентам (1748-1832 гг.), политические деятели и публицисты Т. Джефферсон (1743-1826), Б. Констан (1767-1830 гг.), А. Токвиль (1805-1859 гг.), Р. Кобден (1804-1865 гг.), Дж. Джолитти (1842-1928 гг.). Либеральные партии в Великобритании, Италии, Бельгии, отчасти в Германии, возглавляли свои страны значительную часть XIX века. Но уже с конца века вызов либерализму бросило активно развивающееся социалистическое движение. Одновременно перешел в контрнаступление консерватизм, значительно обновивший свой теоретический багаж. В результате, в XX веке либерализм несколько отступил на фоне других глобальных идеологий.

В России либеральные ценности отстаивали такие мыслители, как К.Д. Кавелин, Е. Корш, Б.Н. Чичерин. В 1905 году сложилась партия конституционалистов-демократов (к-д, или кадеты), ставшая одной из ведущих российских партий дореволюционной России, а также умеренно-либеральная партия «Союз 17 октября» (октябристы).

В XX веке теорию либерализма развивали такие мыслители, как И. Берлин, Ф. Хайек, Р. Дворкин, Дж. Ролз, М. Сэндел.

Но что же такое либерализм? Под этим термином понимается весьма много разнообразных явлений, так что дать математически четкое определение либерализму будет затруднительно. В самом деле, в широком смысле слова либералом могут назвать добродушного начальника, в экономической сфере под либерализмом понимается полная свобода предпринимательства и невмешательство государства (что в конце XX века отстаивают отнюдь не все либеральные политические партии). Наконец, в политической философии либерализм означает защиту прав и свобод, хотя за

них могут бороться самые разнообразные политические силы. Историчность идеологий, о которой говорилось выше, ещё больше запутывают определение. В прошлом в каждой стране либерализм очень существенно отличался от программных установок либеральных партий в других странах. И всё же можно выделить главную ценность либерализма – свободу.

Но что такое свобода по-либеральному? Вот какое определение свободы дает один из самых видных либеральных теоретиков либерализма, британский философ Исайя Берлин (1909-1997 гг.): «Принуждать человека – значит лишать его свободы, но свободы от чего? Почти все моралисты истории человечества прославляли свободу. Значение этого слова, равно как и некоторых других – счастья и доброты, природы и реальности – столь многослойно, что найдется немного истолкований, которые окажутся для него непригодными. Я не намерен рассматривать ни историю этого многослойного слова, ни тем более две сотни его значений, выявленных историками идей. Я собираюсь рассмотреть только два его значения, которые, будучи центральными, вобрали в себя значительную долю человеческой истории, как прошлой, так, осмелюсь утверждать, и будущей. Первое из этих политических значений свободы я буду (следуя во многом прецеденту) называть «негативным», и это значение подразумевается в ответе на вопрос: «Какова та область, в рамках которой субъекту – будь то человек или группа людей – разрешено или должно быть разрешено делать то, что он способен делать, или быть тем, кем он способен быть, не подвергаясь вмешательству со стороны других людей?». Второе значение я буду называть позитивным, и оно подразумевается в ответе на вопрос: «Что или кто служит источником контроля или вмешательства и заставляет человека совершать это действие, а не какое-нибудь другое, или быть таким, а не другим?». Безусловно, это разные вопросы, хотя ответы на них могут частично совпадать¹¹. По мысли

---

¹¹ Berlin Isaiah. (1969). *Two Concepts of Liberty. Berlin 1. Four Essays on Liberty* (pp. 121-134, 162-172). London: Oxford Univ. Press.

И. Берлина, свобода может быть негативной, т.е. свобода от принуждения со стороны государства, церкви, ценностей большинства, и пр. Вместе с тем существует и позитивная свобода. По его словам «“Позитивное” значение слова “свобода” проистекает из желания индивида быть хозяином своей собственной жизни. Я хочу, чтобы моя жизнь и принимаемые мной решения зависели от меня, а не от действия каких-либо внешних сил. Я хочу быть орудием своего собственного волеизъявления, а не волеизъявления других людей. Я хочу быть субъектом, а не объектом; хочу, чтобы мной двигали мои собственные мотивы и осознанно поставленные цели, а не причины, воздействующие на меня извне. Я хочу быть кем-то: хочу быть деятелем, принимающим решения, и не хочу быть тем, за кого решают другие; я хочу сам собой руководить и не хочу подчиняться воздействию внешней природы или других людей, как если бы я был вещью, животным или рабом, не способным к человеческой деятельности: не способным ставить перед собой цели, намечать линии поведения и осуществлять их. Именно это я имею в виду, по крайней мере отчасти, когда говорю, что я рациональное существо и мой разум отличает меня как человека от всего остального мира. Прежде всего, я хочу воспринимать себя мыслящим, волевым, активным существом, несущим ответственность за сделанный выбор и способным оправдать его ссылкой на свои собственные убеждения и цели. Я чувствую себя свободным в той мере, в какой осознаю, что я таков, и поработанным – в той мере, в какой я вынужден признать, что я не таков.

Свобода быть хозяином своей собственной жизни, и свобода от препятствий, чинимых другими людьми моему выбору, на первый взгляд, могут показаться не столь уж логически оторванными друг от друга – не более, чем утвердительный и отрицательный способ выражения одной и той же мысли. Однако “позитивное” и “негативное” понятия свободы исторически развивались в расходящихся направлениях и не всегда логически правильными шагами,

пока в конце концов не пришли в прямое столкновение друг с другом»¹².

Большинство либеральных концепций XIX-XX веков защищали всё-таки свободу именно в негативном понимании – «свободу от» власти государства, господствующей церкви, даже общества. Наиболее последовательные либералы даже пришли к выводу, что не существует самого понятия «общества». Кредо радикальных либералов сводится к такой формуле: «Нет проблемы “человек и общество” – есть проблема “я и другие люди”. Нет проблемы “человек и государство” – есть проблема “я и все другие люди”. Отношение между мною и всеми другими людьми чётко выделяется из множества разнообразных отношений между мною и другими людьми. Оно является совершенно абстрактным (я никогда не увижу “всех людей”). Тем не менее, для каждого человека реализация этого отношения представляет в высшей степени актуальную практическую проблему, которая решается благодаря добровольному подчинению индивида некоторому порядку, именуемому государством».

Но такие радикальные либералы (иногда их даже называли анархо-либералами, а в XX веке для обозначения их устоялся термин либертарианцы) не составляли большинство либералов. В целом, со второй половины XIX века сложились следующие направления европейского либерализма, сохранившиеся (хотя, конечно, с изменениями) и до наших дней:

- консервативный либерализм (партии этого направления стремились сохранить уже имеющиеся в данном обществе права и свободы, но были против дальнейших социальных реформ, подрывающих принцип неприкосновенности частной собственности). К таким партиям можно отнести британских

---

¹² Berlin Isaiah. (1969). *Two Concepts of Liberty*. Berlin 1. *Four Essays on Liberty* (pp. 121-134, 162-172). London: Oxford Univ. Press.

- вигов, германских национал-либералов, некоторые французские республиканские партии, русских октябристов;
- социальный либерализм (сторонники которого были готовы осуществлять дальнейшие социальные реформы, в том числе и ограничивая права имущих классов). К социал-либералам относились французская радикальная партия, крыло прогрессистов в демократической партии США, российские кадеты. Впрочем, по-настоящему социальный либерализм проявит себя во второй половине XX века под именем неолиберализма;
  - радикальный либерализм, или либертариизм, о котором уже говорилось.

Итак, либералы борются за свободу, причем экономическая свобода считается для них неотъемлемой частью всех видов свобод. Но либералы по определению против насильственной революции. Либералы защищают права индивида, но это нередко приводит к тому, что игнорируются права больших общественных групп. Классический либерализм защищал свободу предпринимательства, сведя государство к роли «ночного сторожа», но это приводило их к отрицанию всяких реформ в пользу малоимущих. В XX веке, когда многие вещи назывались своими именами, убеждённый либерал, выдающийся английский философ и социолог Герберт Спенсер сформулировал теорию либерального развития общества, которую он назвал выживанием наиболее приспособленных (это выражение впоследствии заимствовал Дарвин, используя его в своём объяснении эволюции). Спенсер был убеждён, что долг экономически сильного – изгнать экономически слабого из жизни. Спенсер создал евгеническое движение, чтобы удерживать неприспособленных от размножения, поскольку это был самый гуманный способ сделать то, что экономика, предоставленная самой себе, сделала бы более грубым способом (голодной смертью). С точки зрения Спенсера, все спасательные социальные меры просто затягивали и распространяли человеческие мучения, увеличивая население, обреченное в конце концов на голодную смерть.

По мысли Спенсера, общественная эволюция совершается сама собой, не требуя никакого вмешательства. Он «выступал не только против социальной революции, но и против каких бы то ни было социальных реформ. Доведя до логического конца эту идею, он считал, что не нужно заботиться о вдовах, сиротах, больных. По Спенсеру, если они достаточно жизнеспособны, они живут, и это хорошо, что они должны жить. Если же они недостаточно приспособлены для жизни, они умирают, и это самое лучшее, что они могут сделать. Он выступал против законов о помощи бедным и вообще против всякого вмешательства государства в общественную жизнь»¹³. Аналогичным образом либеральные политики выступали против введения в Англии всеобщего образования, против социальных законов Бисмарка, наконец, против протекционистских мер в промышленности с целью защиты национальной промышленности.

Таким образом, становится понятным, почему уже в конце XIX века либерализм стал терять своё идеологическое, культурное и политическое влияние. В новом веке, в период войн, планирования экономики, массовых партий, либерализм стал казаться устаревшим. Не случайно говорилось, что либерализм погиб 1 августа 1914 года, когда началась Первая мировая война. Но видоизмененный обновлённый либерализм, точнее, неолиберализм, стал и в новом веке одной из глобальных идеологий.

---

¹³ Громов, И.А., Мацкевич, А.Ю., Семёнов, В.А. *Западная социология*. СПб., 1997. С. 32.

Консерватизм

Попытка дать определение консерватизма наталкивается на серьёзные методологические трудности. И связаны они с широким пониманием слова «консерватизм».

В обыденном сознании консерватизм связывается с нежеланием каких-либо перемен. Большинство научных определений консерватизма до сих пор носят предвзятый характер. В дореволюционном энциклопедическом словаре Брокгауза-Эфрона статья о консерватизме отсутствовала. Была, правда, статья «Консервативные партии», написанная известным либералом, будущим деятелем кадетской партии, В. Водовозовым. В ней, в частности, говорилось: «Консервативная партия – политическая партия, отстаивающая в общем существующий государственный и общественный режим; это не препятствует ей стоять за частичные реформы... То общее, что свойственно в настоящее время всем консервативным партиям, может быть сведено, хотя и не без оговорок, к защите привилегированных сословий или классов»¹⁴.

В советскую эпоху такая тенденциозность в оценке консерватизма ещё более усилилась. В Философском Энциклопедическом Словаре не было ничего сказано о философии консерватизма, а о консерватизме в целом было заявлено: «Характерные особенности консерватизма – враждебность и противодействие прогрессу, приверженность традиционному и устаревшему»¹⁵. В политологических монографиях, посвященных политическому консерватизму, также о нём отзывались негативно: «Консерватизм направлен против общественного прогресса, противодействуя ему разнообразными методами – от провозглашения готовности к ограниченным реформам до откровенного насилия, причём вариативность его как раз и определяется соотношением, дозировкой политической

---

¹⁴ *Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон*. Т. 16. СПб, 1895. С. 34-35.

¹⁵ *Философский Энциклопедический Словарь*. М. 1989. С. 273.

практики того или другого»¹⁶. И только в социологическом словаре, изданном в конце советской эпохи, о консерватизме говорилось без тенденциозности: «Консерватизм... – политическая идеология, ориентирующаяся на сохранение и поддержание исторически сформировавшихся форм государственной и общественной жизни, в первую очередь морально-правовых её оснований, воплощённых в нации, религии, браке, семье, собственности»¹⁷.

Вот такое определение консерватизма как философии дано Л.В. Поляковым в статье «Консерватизм», помещённой в «Новой философской энциклопедии». Согласно этому определению, «Консерватизм... – одно из основных направлений политической философии, которым выражается исторически конкретная идеология. Элементы консерватизма могут быть обнаружены у Аристотеля. С тех пор в западной мысли не прекращаются попытки сформулировать принципы консерватизма. К консервативным идеологам относят Э. Берка (1729-1797 гг.) и М. Оукшот (1801-1890 гг.)... Следует заметить, что любая попытка абстрагировать принципы от контекста и превратить их в своего рода «символ веры» или в список обязательных верований, вызывает протест у представителей консервативной философии... Такое понимание консерватизма позволяет рассматривать эту политическую идеологию функционально – как ответ на вызовы, обращенные к конкретному обществу с его конкретной экономикой, политической и культурной проблематикой»¹⁸.

На сегодняшний день можно условно выделить три подхода к определению консерватизма:

- 1) психологический (П. Вирек, Я. Гиллмор, Р. Кирк, К. Росситер, Н.О. Салливан, Р. Скрутон, М. Оукшот, Ф. Хирншоу, из

---

¹⁶ Галкин, А.А., Рахшмир, П.Ю. *Консерватизм в прошлом и настоящем*. М., 1987. С. 5.

¹⁷ *Современная западная социология*. Словарь. М., 1990. С. 135.

¹⁸ Поляков, Л.В. Консерватизм. // *Новая Философская Энциклопедия*. В 4-х тт. М.: Мысль, Т. 2. С. 288.

- отечественных учёных – А.Ю. Мельвиль), считающий консерватизм особым типом мышления и поведения;
- 2) структурно – функциональный подход (К. Мангейм, Р. Михельс, А. Шлезингер, С. Хантингтон), рассматривающий консерватизм как ситуативную идеологию и политику, защищающая статус-кво;
  - 3) Идеационный подход (И. Кристол, Г.-К. Кальтенбруннер, Ю. Хабермас, Р. Нисбет, С. Липсет), оценивающий консерватизм как историческую политическую идеологию, родившуюся как реакция на Великую Французскую революцию и альтернативу философии Просвещения.

Как ни парадоксально, каждый из этих подходов правомерен. В самом деле, консерватора отличает в первую очередь скепсис ко всем вариантам переустройства общества на основании умозрительных схем. Но при абсолютизации этого подхода, в консерваторы придётся записать решительно всех людей, имеющих привычки и устоявшиеся представления. Для консерватизма действительно характерно стремление защитить старые добрые порядки и нравы. Однако любая правящая партия также стремится сохранить свою власть и, таким образом, является, с этой точки зрения, консервативной. Наконец, идеационный подход, справедливо указывая на рождение идеологического консерватизма в годы Великой Французской революции, не объясняет идеологию современного консерватизма. Например, консерваторы Франции уже более столетия не собираются восстанавливать во Франции монархию.

Как видим, все эти подходы по-своему справедливы и по-своему односторонни. Но объясняется это просто: консерватизма «вообще» нет, есть исторические и национальные варианты консерватизма. Именно поэтому столь многозначно само понятие консерватизма. Современный западный исследователь К. Росситер выделяет четыре случая употребления слова «консерватизм»:

- консерватизм как определение темперамента,

- ситуационный консерватизм,
- политический консерватизм,
- консерватизм как философия¹⁹.

Думается, что, несмотря на сложности выделения философского и политического консерватизма, данное определение можно принять. Общее, что присуще всем случаям употребления слова консерватизм, это то, что во всех случаях речь идёт о защите определённых духовных ценностей.

Итак, консерватизм является системой ценностей, основополагающих принципов, на основе которых и возникают социальные, политические, экономические и прочие доктрины. Современный британский философ Р. Скрутон в своей книге «Смысл консерватизма» так характеризует систему ценностей консерватизма: ограниченность сферы человеческого разума и, в этой связи, необходимость универсального морального порядка, санкционируемого и поддерживаемого религией; в особой роли, которая принадлежит поэтому традициям, институтам, символам, ритуалам и даже предрассудкам, естественное физическое и умственное неравенство людей, из которого вытекает неизбежность управления обществом властвующей элиты из избранного меньшинства, необходимость стабильности общества, в связи с чем неизбежны и необходимы реформы, ослабляющие или в идеале устраняющие социальные конфликты, важнейшая роль частной собственности как гаранта личной свободы и социального порядка²⁰.

Подобные черты консервативного типа мышления выделяет также современный германский консервативный философ Г.-К. Кальтенбруннер. По его мнению, для консерватизма присущи следующие установки:

- преемственность (верность традициям),

---

¹⁹ *США: консервативная волна*. Под ред. А.Ю. Мельвиля. М., 1984. С. 36.

²⁰ Macpherson, C. (1980). *B. Burke* (p. 3). Oxford.

- стабильность,
- порядок,
- государственный авторитет,
- свобода (но в рамках иерархии),
- пессимизм (неверие в возможность создания несовершенными от природы людьми идеального общества)²¹.

Современный российский автор А.С. Карцов выделяет такие свойства русского консерватизма дореволюционной России:

- спиритуализм,
- традиционализм,
- органицизм,
- иерархизм,
- национализм²².

Разумеется, больше всего характеризует консерватизм именно стремление к защите старых добрых ценностей при скепсисе к новации. В этом смысле кредо консерватизма вполне выразил российский консерватор, министр финансов при Николае I, Е.Ф. Канкрин: «Не переменять, елико можно, форму коренных государственных установлений, и́бо недостатки существующего известны, нового сокрыты»²³.

Практически так же говорили и западные консерваторы. Так, М. Оукшот заявлял, что «быть консерватором означает, что человек почитает знакомого больше, чем незнакомого, человека опытного больше, чем не нажившего ещё опыта, факты почитает больше, чем таинственность, действительность больше, чем возможность, ограничение предпочитает безбрежности, близкое далёкому, достаток избытку, приемлемое совершенству, настоящее

---

²¹ Галкин, А.А., Рахшмир, П.Ю. *Консерватизм в прошлом и настоящем*. М., 1987. С. 128-130.

²² Карцов, А.С. Русский консерватизм как интеллектуальная традиция. // *Консерватизм и либерализм: история и современные концепции*. СПб., 2002. С. 41-57.

²³ *Очерки русской культуры XX века*. Т.2. М., 2000. С. 67.

предпочитает утопическому счастью будущего»²⁴. Словом, консерватор – это тот, кто новым порокам предпочитает старое зло.

Для того, чтобы разобраться в понятии консерватизма, надо окинуть взглядом историю консервативной мысли в каждой конкретной стране, выделив узловые моменты, в которых консерватизм проявляет наиболее отличительные от прежнего времени черты.

Консерватизм часто употребляется с прилагательными, типа «либеральный консерватизм» и пр. И это не случайно. Если консервативные ценности остаются незабываемыми для истинного консерватора, то при их защите он способен, как уже отмечалось, пойти на самые разные меры. И нередко бывает так, что истинные консерваторы входят в историю как деятели либеральных реформ или даже как радикалы.

Необходимо выяснить соотношение понятий консерватизм – либерализм – радикализм. Собственно, вся эта триада находится в диалектическом единстве. Каждое из этих понятий невозможно представить без других. При этом также невозможно выделить «чистый» консерватизм, равно как и либерализм и радикализм, поскольку все они в значительной мере носят ситуационный характер. В каждой конкретной стране в определенные исторические моменты понятия консервативного или либерального совершенно различны. То, что считается консервативным в одной стране, может быть либерализмом в другой и радикализмом – в третьей. В силу этого весьма проблематичным представляется выделение «идеальных типов» консерватизма, либерализма и радикализма.

Но все же можно выделить общие принципы консерватизма. В произвольном порядке можно выделить традицию, порядок, иерархию, органицизм в понимании общества, некоторую антибуржуазность, пессимизм, стремление сохранить то, что можно при признании неизбежности перемен, и т.д. Для главных

---

²⁴ Oakeshott, M. (1962). *Rationalism in politics and other essays* (p. 62). L.

оппонентов консерваторов – либералов – главным было стремление к смягчению или ликвидации любых форм государственного или общественного принуждения по отношению к индивиду. Не случайно в центре либеральной идеологии стоит проблема свободы. Но, как уже отмечалось, у либералов свобода понимается негативно – как «свобода от...». Заметим, что консервативные ценности, как справедливо заметил О.Б. Подвинцев, более конкретны, чем абстрактные идеалы их оппонентов – «свобода» у либералов, «справедливость» у социалистов²⁵. Таким образом, консервативный взгляд на жизнь оказывается более реальным, чем воззрения их оппонентов. Консерваторы отталкиваются от практического опыта, от позитивного понятия свободы – «свобода для...».

Реформирующей общество консерватизм, независимо от своих намерений, часто способствует расширению гражданских прав и свобод. В результате многие реформы и преобразования, которые считаются либеральными, осуществляются консерваторами. Все это приводит к частой путанице, когда того или иного деятеля или партию, исследователи не могут чётко отнести к либералам или консерваторам. Будем считать, что реформирующий консерватизм, проводящий либеральные преобразования, либеральным консерватизмом. Парадоксальные термины «либеральный консерватизм» и «консервативный либерализм» достаточно часто употреблялись мыслителями XIX века, в частности, Б.Н. Чичериным.

Наконец, легко допустить также и существование консервативного радикализма, стремящегося с помощью самых крайних, даже и революционных, методов сохранить основы прежнего общества. Термин «революционеры от консерватизма», обозначающий сторонников использования революционных методов во имя сохранения старого порядка, был не таким уж редким и парадоксальным. Само по себе понятие «консервативная революция» применялось

---

²⁵ Подвинцев, О.Б. *Постимперская адаптация консерватизма*. Автореф. доктора политических наук. Пермь, 2002.

ещё Ф. Энгельсом для обозначения польского восстания 1830-31 годов, ставящего целью восстановление аристократической Речи Посполитой²⁶. В России рождается понятия «революционный консерватизм»²⁷, означающий стремление к революционным изменениям во имя сохранения основ прежнего общества. Именно так славянофил Ю.Ф. Самарин назвал позицию консервативного мыслителя и политика генерала Р.А. Фадеева. Вскоре родилось словосочетание «революционеры от консерватизма», обозначающие радикальных консерваторов. Уже в 1876 году Ф.М. Достоевский называл себя и своих единомышленников «революционерами от консерватизма». В годы Контрреформ Александра III вдохновитель правительственного курса К.П. Победоносцев получил известность, как «белый революционер». В самом конце XIX века и в Европе появляется правый радикализм, во многом ставящий перед собой задачу революционного построения общества, базирующегося на исконных национальных ценностях. Выражения типа «революция справа» или «консервативная революция» становятся общеупотребительными понятиями.

Между мировыми войнами в Германии возникает оригинальная философия «консервативной революции» так называемых «младоконсерваторов». При невероятном разнообразии концепций такой революции общим в них было стремление революционным способом восстановить исконные немецкие ценности, утраченные или ослабленные в Веймарской республике. При этом немецкие консервативные революционеры отнюдь не стремились восстановить вильгельмовскую монархию, к которой питали не меньшее отвращение, чем к «системе» 1918 года. Их идеал был направлен на будущее, не связанное с конкретным примером общественного устройства прошлого. Пожалуй, именно в этом заключено

---

²⁶ Маркс, К., Энгельс, Ф. *Собрание Сочинений*. Т. 4. С. 492.

²⁷ Достоевский, Ф.М. *ПСС в 30 тт.* Л., 1981. Т. 23. С. 43-44.

отличие немецких младоконсерваторов от русских славянофилов XIX века, имевших свой идеал в допетровской Руси.

После Второй мировой войны во многих странах Европы консервативные партии, обычно называющиеся себя христианско-демократическими (что подчёркивало значение христианства как основной исторической традиции стран континента), стали ведущими партиями большинства стран ЕС.

Итак, при отстаивании своих ценностей консерватизм может быть стабилизирующий, реформирующий и даже революционный. Вследствие этого консерватизм и оказывается более жизнеспособным, чем их оппоненты.

Социализм

Социализмом называют совокупность учений, выдвигающих в качестве идеала создание общества социальной справедливости и равенства. Как и все мегаидеологии, идеалы, свойственные социализму, появлялись ещё в глубокой древности. Как правило, идеальное общество находилось в далеком прошлом «золотом веке».

В XX веке социализмом называлась и экономическая система, установленная в Советском Союзе и ряде стран Восточной Европы, Китае, Кубе, а также в почти полсотне стран «социалистической ориентации» в Азии, Африке. Одновременно социализмом называли и систему социального обеспечения в ряде стран Западной Европы, управляемых социал-демократами. Наконец, социализмом многие западные экономисты называли государственное вмешательство в экономику, ограничивавшее право частной собственности. Как видим, несмотря на тягу социалистов к изложению своих взглядов в виде доктрин и партийных программ, социализм

является, пожалуй, самым многозначным среди всех глобальных идеологий.

Однако ещё с рубежа XIX-XX веков среди социалистов началось размежевание. Наиболее последовательные социалисты получили имя коммунистов (от лат. *communis* – общий). Для них социализм есть лишь первая, начальная фаза будущего общества.

Впрочем, рождение социализма как мегаидеологии относится к первой половине XIX века. В 1834 году французский журналист Пьер Леру употребил слово «социализм» для обозначения противоположности эгоизма. Уже в следующем году новое понятие получило распространение среди сторонников Р. Оуэна в Англии. В 1836 году Луи Рейбо назвал сторонников социальных реформаторов А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна социалистами. С его лёгкой руки общество равенства стало называться социализмом (от лат. *socialis* – общественный). Наконец, в 1842 году Лотар Штайн связал теоретический социализм с рабочим движением.

Ещё ранее, в XVIII веке, возникло понятие «коммунизм». Некоторое время термин «коммунизм» обозначал направление среди социалистов, сторонников грубого имущественного уравнивания, казарменного единообразия.

В начале и середине XIX века теоретический социализм активно развивали многочисленные мыслители и революционеры. Многие из них практически забыты в наши дни. Первоначально представление о будущем обществе социальной гармонии носили характер умозрительных представлений, лишённых научного обоснования. Не случайно трое первых теоретиков социализма – А. Сен-Симон, Ш. Фурье и Д. Оуэн, вошли в историю как социалисты-утописты.

В дальнейшем в социализме появлялись все новые самостоятельные направления. Так, в середине XIX века возник безгосударственный социализм, или анархизм, сам распавшийся на множество направлений, но существующий и в новом тысячелетии. В России с 1840-х и вплоть до 1920-х годов существовало такое

идеологическое направление, как народничество, или русский общинный социализм. Идеология народничества вдохновляла на подвиги и преступления несколько поколений русской интеллигентной молодёжи. Нигилисты, землевольцы, чернопередыльцы, народовольцы, эсеры – все они по своим взглядам были народниками.

Социалистическая идеология превратилась из утопических проектов создания идеального общественного устройства в теоретическое сознание общества с середины XIX века. Мы не будем рассматривать концепции социалистов-утопистов и коммунистов начала того века, поскольку эти концепции остались лишь индивидуальными творениями их авторов. Другое дело, что многие представления, термины и понятия, созданные утопистами, стали фундаментальной частью социалистических идеологий нашего времени.

По-настоящему социализм превратился в идеологию лишь тогда, когда стал идеологической основой рабочего движения (впрочем, в России и многих странах мира существовали и существуют социалистические теории, ставшие программными установками политических партий, ориентирующиеся не на рабочих, а на другие социальные группы и классы). Временем рождения социалистической (а также и в большей мере коммунистической идеологии) считается 1848 год, когда был создан двумя молодыми учеными и публицистами К. Марксом и Ф. Энгельсом «Манифест Коммунистической партии».

Сам «Манифест» был написан как программный документ руководимого К. Марксом «Союза коммунистов», существовавшего в 1848-52 годы. К этому времени понятия «социализм» и «коммунизм» прочно утвердились в прессе и политической науке. Различия между социалистами и коммунистами обычно заключались в том, что коммунисты считались сторонниками жёсткого уравнивания в имущественных и политических правах всех членов общества, в том числе методом принуждения, в то время как социалисты

делали упор на реформы и не отрицали определённых различий между индивидами. Впрочем, в эту историческую эпоху эти понятия часто использовались как синонимы.

Во второй половине XIX века теоретический социализм стал идеологической основой значительной части рабочего движения (хотя многие рабочие организации оставались аполитичными или находились под влиянием несоциалистических партий). Среди социалистических теорий с 1860-х годов стало преобладать марксистское направление. Правда, в те же годы стало активно развиваться движение сторонников безгосударственного социализма – анархизм, имеющего множество направлений, завоевавший популярность во многих странах южной Европы и в Латинской Америке.

В 1864-76 годах К. Марксом и Ф. Энгельсом было создано Международное Товарищество Рабочих (МТР), более известное как I Интернационал. Интернационал не был марксистской по своей идеологии организацией, тем более что сам Маркс ещё продолжал интенсивно работать, создавая философскую и экономическую теорию своего направления в социализме. В рамках I Интернационала существовали сторонники многих течений социалистической мысли.

Исторической заслугой I Интернационала является то, что он стал первой в мире всемирной социалистической (и, шире, первой международной идеологической) организацией. За годы его существования социализм стал превращаться из описаний будущего желаемого общества с мельчайшими подробностями быта и одежды в претендующую на научность стройную и логичную идеологию.

О созданном К. Марксом учении существует громадная по объёму литература, и мы не будем останавливаться на её особенностях. Обратим лишь внимание на наиболее значительные черты марксизма, отличающие его от других социалистических теорий. Это – оценка капитализма как необходимой прогрессивной (на определённом историческом этапе) ступени общественного развития.

Капитализм есть лишь очередная общественно-экономическая формация, идущая на смену феодализму, по сравнению с которым является несравненно более передовым. Однако капитализм основывается на эксплуатации рабочего класса посредством присвоения прибавочной стоимости. Одновременно рыночный механизм приводит к стихийности и невозможен без конкуренции, дорого обходящейся человеку. Преодоление капиталистической эксплуатации возможно лишь путём социальной революции, ликвидирующей частную собственность на средства производства. Совершить эту революцию может лишь рабочий класс, поскольку он самый передовой, т.к. именно рабочие в силу промышленного производства самый организованный класс, наиболее страдающий от капиталистической эксплуатации и при этом неимущий класс. (Во времена Маркса рабочие действительно жили в ужасающих условиях. Не случайно синонимом понятия «рабочий класс» стало слово «пролетариат», который в Древнем Риме обозначал лично свободных, но неимущих граждан, способных дать своей стране только своих детей, по латыни – *proleta*).

На основании опыта европейских революций 1848 года и Парижской Коммуны 1871 года Маркс пришёл к выводу, что организовать пролетарскую революцию может только политическая партия и что для осуществления необходимых социалистических преобразований необходима диктатура пролетариата. Эта диктатура сломит сопротивление свергнутых классов, уничтожит буржуазную государственную машину. Диктатура пролетариата как государственная форма необходима только для переходного периода. Уже на первой стадии новой коммунистической общественно – экономической формации – социализме, исчезнут классы, а государство будет способом общественного самоуправления. Социалистическое общество – это сознательно регулируемое, самоуправляемое и принципиально нерыночное общество.

Анархизм

Анархизм (от греч. *anarchia* – безгосударственность, безвластие) – одно из первых направлений теоретического социализма – безгосударственный социализм. Строго говоря, понятие «анархизм» является достаточно широким. Исследователи не случайно говорят об анархистских взглядах Ж.-Ж. Руссо, Л.Н. Толстого, М. Ганди и других мыслителей. Объясняется это тем, что основополагающий принцип анархизма – отрицание всякой государственности, привлекал к себе и индивидуалистов и гуманистов. В целом, под анархизмом понимается общественно-политические и социально-экономические учения, отрицающие необходимость государственной власти и политической организации общества, а также общественные движения, провозглашающие своей целью освобождение человека от всех видов политического, экономического и духовного принуждения. Анархизм во всех вариантах обязательно включает:

- полное отрицание существующего общественного строя, основанного на политической власти;
- представление об идеальном общественном устройстве, исключающем принуждение;
- определённый (преимущественно революционный) способ перехода от первого состояния ко второму.

Для классического анархизма характерно отрицательное отношение к эксплуатации человека человеком и в качестве идеала выдвигается создание бесклассового общества, что сближает анархизм с остальными направлениями социалистической мысли. Однако самой характерной чертой анархизма является отрицание всякой государственности.

Отношение к анархизму часто остается достаточно несерьезным. Об анархистах у современного россиянина остаётся лишь навеянное старыми советскими фильмами представление о матросах, размахивающих черным флагом с черепом и костями, и странном

лозунге: «Анархия – мать порядка!». Отчасти такое представление было порождено тем, что сами анархисты любили нанести пощечину общественному вкусу, демонстрируя своё презрение к буржуазному обществу. Понятно, почему гимном русских анархистов во время октябрьской революции 1917 года была песня «По улицам ходила большая крокодила» с намеренно бессмысленным текстом. Возродившееся с конца 1980-х годов в России анархистское движение для названий своих организаций использует весьма своеобразно звучащие аббревиатуры. Так, в период «перестройки» в СССР существовали ВОЛАНД (Всесоюзное общество любителей анархизма в неформальном движении), МАКИ АДА (Маргинально-анархические контр-инициативы Ассоциации движений анархистов), СРАМ (Союз революционной анархической молодежи), ФАК (Федерация анархистов Кубани), и пр. В Западной Европе анархисты издавали свои манифесты, переполненные нецензурной руганью, а во время суда демонстративно играли в карты и оскорбляли судей.

Однако анархизм как идеология и политика не заслуживает легкомысленного отношения. Анархизм был и остаётся достаточно серьёзной идеологической системой, имеющей миллионы последователей. Элементы анархического мировоззрения были известны на протяжении многих веков. Стремление к полной свободе личности в свободном обществе, отрицание власти и эксплуатации – подобные настроения в той или иной форме можно обнаружить у античных киников и у китайских даосов, у средневековых анабаптистов и у английских диггеров, у русского еретика Ф. Косога и французского мыслителя конца XVIII века С. Марешаля. Роднящее упомянутых мыслителей умонастроение уместно обозначить термином протоанархизм.

Однако анархизм в собственном смысле этого слова порожден реалиями Нового времени. Лишь с конца XVIII века, когда Европа вступила в эпоху великих революций, способствовавших утверждению человеческой индивидуальности и крушению основ

традиционного общества, постепенно оформляется анархизм – сначала как философское учение, а затем как революционное движение.

Первыми глашатаями анархизма выступили англичанин Уильям Годвин (1756-1836 гг.) и немец Макс Штирнер (Иоганн Каспар Шмидт; 1806-1856 гг.). В книге Годвина «Исследование о политической справедливости и её влиянии на всеобщую добродетель и счастье» (1793 г.) и в работе Штирнера «Единственный и его собственность» (1844 г.) были обозначены контуры анархического мировоззрения. Оба мыслителя попытались обосновать необходимость уничтожения государства и децентрализации общественной жизни и производства, доказать противоположность интересов общества и государства. Однако взгляды упомянутых теоретиков анархизма совпадали далеко не во всём.

Годвин исходил из тезиса о доброй природе человека, на которую дурно влияют государственные институты, и предложил анархо-коммунистическую программу социальных преобразований. В центре построений Штирнера – уникальная личность, Единственный; эту личность нельзя свести к каким-либо социальным ролям и проявлениям. Немецкий мыслитель призывал человека низвергнуть надличностные (идеологические) фетиши и деспотические учреждения, осознать свои истинные интересы и, соединяясь с другими – тоже единственными – личностями, начать борьбу за своё освобождение.

Годвин, оставаясь приверженцем идей Просвещения, ещё верил в великую силу слова, в возможность преобразовать общество путём пропаганды. Штирнер уже не считал возможным надеяться на добрую волю правительств и буржуазии. Он признает необходимость рабочих забастовок, экспроприации собственности и создания свободного «союза эгоистов». Однако акцент в книге немецкого мыслителя делается не на проповеди социальной революции, а на призыве к «восстанию личности».

Так сразу обозначились два направления анархической мысли – философски-индивидуалистическое, подчеркивающее уникальность отдельной личности, и социологически-коммунистическое, озабоченное в основном построением свободного и справедливого общества. При этом воззрения Годвина и Штирнера дополняют друг друга. Возникшие впоследствии многочисленные анархические течения основывались на различных вариантах сочетания и совмещения стремлений к свободе и к социальной справедливости.

И Годвин, и Штирнер были одинокими мыслителями, не слишком вовлеченными в общественную жизнь. Ни тот, ни другой еще не обозначали свои взгляды как анархические.

«Отцом анархизма» считается Пьер-Жозеф Прудон (1809-1865 гг.). Он первым термин «анархия» употребил в положительном значении в работе «Что такое собственность?» в 1840 году. Особую известность Прудону принесла книга «Система экономических противоречий, или философия нищеты» (1846 г.), поставившая его в ряд ведущих теоретиков социализма. Окончательно анархическая концепция Прудона сложилась в результате анализа опыта французской революции 1848 года и была развита им в работе «Федеративный принцип» (1863 г.). Несмотря на то, что сам Прудон упорно отказывался считать себя основателем какого-либо определённого учения или партии, М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин и др. вожди анархизма видели в нём своего непосредственного предшественника. Основными элементами доктрины Прудона были мютюэлизм, федерализм и тактика прямого действия. Мютюэлизм означал организацию общества на принципах равенства и взаимности. Считая, что «собственность есть кража», Прудон отвергал использование собственности для эксплуатации чужого труда, но рассматривал «владение» – право рабочего или группы рабочих распоряжаться землёй и орудиями труда, необходимыми в процессе производства, – как главное основание свободы. В идеале анархия ему рисовалась общество, состоящее из независимых крестьян и

ремесленников, где фабрики и заводы находятся в собственности рабочих ассоциаций, а весь общественный механизм объединяется системой взаимного кредита на основе народных банков. Централизованное государство Прудон предлагал заменить федерацией автономных местных общин и промышленных ассоциаций, связанных договорными отношениями; суд заменялся арбитражем; бюрократия – рабочим контролем, а академическое образование – общим образованием. По словам Прудона, анархия есть смерть старого и мать нового социального порядка (в упрощённом виде этот лозунг стал девизом русских анархистов). Последователи Прудона не пользовались термином анархизм и предпочитали именовать себя мютюэлистами (по названию тайной рабочей организации, действовавшей в Лионе в 1830-х годах, к которой принадлежал Прудон). В 1864 группы мютюэлистов, соединившись с английскими тред-юнионистами и европейскими социалистами, создали в Лондоне «Международное товарищество рабочих» (I Интернационал). Мютюэлисты первыми выступили в качестве оппозиции К. Марксу и его сторонникам в Интернационале, отстаивавшим тактику политической борьбы, захвата государственной власти и создания диктатуры пролетариата.

Дальнейшее развитие теории анархизма связано с работами главного противника Маркса внутри Интернационала, М.А. Бакунина (1814-1876 гг.), развившего идеологию анархо-коллективизма.

Жизнь Бакунина похожа на легенду. Сын екатерининского дипломата, выходец из одного из самых знатных, хотя и нетитулованных, семейств Российской империи, Михаил Бакунин стал одним из самых значительных революционеров и социальных мыслителей XIX века. В числе его друзей были Н.В. Станкевич, И.С. Тургенев, А.И. Герцен, В.Г. Белинский, П.Я. Чаадаев, Ф. Шеллинг, К. Маркс, Р. Вагнер, Ж. Санд, А. Мицкевич, П.Ж. Прудон, А. Руге, В. Вейтлинг. Бакунин вдохновил Рихарда Вагнера на создание образа неистового Зигфрида, Бакунин был прототипом Рудина у Тургенева и Ставрогина у Достоевского.

В юности – увлечение философией, дискуссии в московских салонах и в родном доме в селе Прямухине. Затем – переход к практической революционной деятельности: участие в революции 1848 года в Париже, призывы к общеславянскому восстанию, баррикады в Праге и Дрездене, арест, смертные приговоры в Саксонии и Австрии, двенадцать лет крепостей и ссылки в Саксонии, Австрии и России, фантастический побег из Сибири, работа в «Колоколе» Герцена, борьба в Интернационале против авторитаризма Маркса...

Революционная деятельность Бакунина не знала границ и была поистине грандиозна по своим масштабам. Он помогал полякам во время восстания 1863-1864 годов, выступал в Швеции, поднимал соратников на восстание в Лионе, вел успешную полемику против Мадзини в Италии (где стал создателем анархического движения и инициатором восстания в Болонье), организовывал Юрскую (анархическую) федерацию Интернационала в Швейцарии, сражался в Париже, Праге, Дрездене, вел революционную агитацию среди болгар и сербов, финнов и чехов, сотрудничал с «Землей и Волей» 1860-х годов, был вдохновителем кружков на Юге России. Перечисление созданных им организаций, написанных программ и уставов заняло бы несколько страниц. Биография Бакунина, похожая на приключенческий роман, притягательность его личности, сыграли для распространения анархизма несравненно больше, чем теоретические труды.

Бакунин разделял федерализм Прудона и убеждение в необходимости непосредственных действий рабочего класса, однако он полагал, что система отношений собственности, предлагаемая Прудонам, нереалистична. Средства производства, согласно Бакунину, должны находиться в общественной собственности, причем каждый рабочий должен получать плату только за реально проделанную работу. Второе важнейшее отличие Бакунина от Прудона состояло в отношении к революционным методам. Прудон был убежден, что организации мютюзелистов возможно создавать

внутри существующего общественного строя, что постепенно приведет к его трансформации без насильственной революции. Бакунин, выдвигая знаменитый тезис, гласящий, что «страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть», отрицал возможность мирного пути развития общества, полагая, что насильственная революция, разрушающая все существующие институты, есть необходимая прелюдия к строительству свободного общества. Несмотря на то, что принципы индивидуализма и ненасилия (как основные в доктрине Прудона) продолжали развиваться периферийными течениями анархизма, бакунинские взгляды о необходимости коллективной собственности и насильственной революции доминировали в анархистском движении со времени I Интернационала до окончательного крушения анархизма как массового движения во время гражданской войны в Испании в 1936-1939 годах.

В отличие от марксистского социализма с его верой в миссию рабочего класса, анархисты считали, что сам по себе пролетариат способен лишь бороться «за бифштекс» (то есть повышение заработной платы и улучшение условий труда), и вряд ли будет стремиться к изменению социального строя. Диктатура пролетариата, создаст новую форму государственности, которая будет также эксплуатировать народ, и, в конечном счёте, станет диктатурой партийного начальства. Ещё одним из основных отличий бакунистского анархизма от марксизма было достаточное скептическое отношение Бакунина к созданию особой партии рабочего класса. Анархисты считали партию «государством в миниатюре», которое также подчиняет себе личность и является частью политической системы. Движущей силой революции являются «заклейменные проклятьем», то есть люмпены, безработные, и прочие маргинальные элементы общества, которым действительно нечего терять (Бакунин называл их «разбойным элементом»). Народ, считали анархисты, всегда готов к бунту, необходимо только поднести спичку, что бы вспыхнуло пламя. Такой спичкой может быть «пропаганда действием», или «прямое действие», то есть акты террора,

уличные беспорядки, которые распатают государственный аппарат и приведут к «социальной ликвидации» – революции.

Уже при жизни, в 1860-70-е годы Бакунин стал признанным вождем анархизма, который все чаще стал называться бакунизмом. В ряде стран Европы (Испании, Италии, Швейцарии), и Латинской Америки, анархизм стал доминирующей идеологией в рабочем движении. В I Интернационале сторонники Бакунина создали влиятельную фракцию, вступив в конфликт с Генеральным Советом и его главой Марксом. Борьба завершилась исключением Бакунина и его сторонников из Интернационала. Однако фактически большинство секций Интернационала (бельгийские, французские, испанские, итальянские, голландские, швейцарские) ушли за Бакуниным. Большинство этих секций, соединившись, образовали новый, анархический Интернационал, просуществовавший до 1879 года, и известный как «черный Интернационал».

Поддержавшие Бакунина секции Интернационала, объединявшие десятки тысяч рабочих по всей Европе, дали толчок мощному развитию анархического движения в 1870-е годы. В некоторых странах, где был высок уровень социальной напряженности и отсутствовали реальные гражданские свободы (в Испании, в Италии), это движение вылилось в ряд восстаний; в других (в Швейцарии, в Бельгии) сложились открыто действующие рабочие союзы анархической направленности. Роль идейного центра этого движения играла Юрская федерация (в Швейцарии).

Наиболее грандиозным выступлением народных масс, в котором анархисты сыграли видную роль, стала Парижская коммуна (март-май 1871 г.). Анархисты (прудонисты) составляли значительную часть Совета Коммуны. Важнейшим мероприятием Коммуны в социально-экономической сфере, осуществленным по инициативе прудонистов, был принятый 16 апреля 1871 года декрет о передаче бездействующих предприятий, брошенных бежавшими из Парижа предпринимателями, в руки рабочих производственных

ассоциаций. Этой и другими подобными мерами прудонисты стремились подготовить создание мощного сектора коллективизированных самоуправляющихся предприятий, альтернативных и частнокапиталистическим, и государственным. Декларация «К французскому народу», принятая Парижской коммуной 19 апреля, провозглашала вполне анархические идеи: федерализм, децентрализацию, самоуправление и автономию коммун – в качестве принципов устройства будущей социалистической Франции. Однако полуанархический социально-революционный эксперимент, как известно, длился недолго – 72 дня. Памятником «штурмующим небо» коммунарам осталась песня – «Интернационал», созданная участником тогдашних событий, анархистом Эженом Потье. Поражение Коммуны не означало гибель анархизма.

Наибольшую популярность анархистские идеи получили в Испании. Последователь Прудона Р. де Сагра основал первый анархистский журнал «Вперед» в 1845 году, однако он просуществовал недолго, и более долговременным в Испании оказалось влияние идей Бакунина. Его ученик итальянец Дж. Фанелли учредил отделение Интернационала в Барселоне в 1868 году, а к 1873 году организация насчитывала до 60 тысяч членов. Главной социальной базой анархизма стали фабричные рабочие Барселоны и других городов Каталонии и разорвавшиеся крестьяне Андалузии. В 1873 году испанские анархисты подняли восстание против властей, жестоко подавленное. Однако испанский анархизм продолжал существовать вплоть до 1930-х годов, оставаясь одним из самых массовых политических движений в Испании.

В 1910 году в испанской области Каталония была создана Каталонская Конфедерация труда, которая в 1911 году была преобразована в объединение национального масштаба – Национальную конфедерацию труда, которую чаще называют СНТ, в соответствии с её испанским названием – *Confederacion Nacional de Trabajo*. В 1914 году её численность достигла 109 тысяч человек.

Преемником Бакунина в роли ведущего идеолога анархизма стал русский революционер Пётр Алексеевич Кропоткин (1842-1921 гг.). Современники на редкость единодушно отзывались о великом анархисте, как о необычайно светлой, цельной и гармоничной личности. Бернард Шоу назвал Кропоткина «одним из святых столетия», а Оскар Уайльд считал его жизнь «совершенной жизнью».

Хотя Кропоткин активно участвовал в революционном движении, неоднократно находился в тюрьмах, почти 40 лет провел в эмиграции, однако он все же сосредоточился на теоретической разработке идеала будущего анархического общества, обобщенного им в книгах «Хлеб и воля» (1892 г.) и «Поля, фабрики и мастерские» (1899 г.). Кропоткин пошёл дальше коллективизма Бакунина и разработал идеологию анархо-коммунизма. Новый общественный строй мыслился им как вольный союз самоуправляющихся общин, где господствует обязательный для всех труд и полное обобществление не только средств производства, но и предметов потребления. Предусматривалась ликвидация «аристократии умственного труда» как одной из форм неравенства и упразднение «университетов и академий..., если ими не пользуется каждый без исключения член общества». В 1870-х годах Кропоткин испытал значительное влияние французского географа и теоретика анархизма Элизе Реклю, ученика французского социалиста-утописта Ш. Фурье. Идеал Кропоткина имеет некоторое сходство с «казарменным» социализмом, благодаря строгой регламентации внутренней жизни общины. Стремясь обосновать возможность анархического общества, Кропоткин приступил к разработке этики анархизм, основанной на достижениях «позитивной науки» (т.е. позитивистской философии)²⁸. Он утверждал, что конкурентной борьбе за существование и в природе, и в обществе противостоит принцип «взаимной помощи», главный фактор человеческой эволюции и этического прогресса. Уничтожение государства, сковывающего действие

---

²⁸ Кропоткин, П.А. *Взаимная помощь как фактор эволюции*. 1890; Кропоткин, П.А. *Современная наука и анархизм*. 1901.

этого фактора, будет означать переход к естественному анархическому состоянию. Принципы морали Кропоткин выводил из биологических оснований, полагая, что понятие зла имеет источником естественный отбор, а представление о добре – взаимную помощь внутри видов.

Анархистская идеология и анархистское движение в конце XIX века вступили в полосу определённого кризиса. Поражения восстаний в Испании и Италии, распад «чёрного Интернационала», усиление расхождений между различными направлениями анархизма, что вызвало массовый переход рядовых анархистов к организованным социал-демократам, были симптомами этого кризиса. В 1890-х годах ряд анархистских организаций вступили на путь индивидуального террора. Анархистами были убиты президент Франции С. Карно (1894 г.), премьер-министр Испании Кановас дель Кастильо (1897 г.), австрийская императрица Елизавета (1898 г.), итальянский король Умберто (1900 г.), президент США У. Маккинли (1901 г.), король Португалии Карлуш (1908 г.). Также анархистами были организованы взрывы в Париже. Бомбы кидали во время заседания французского парламента, взрывалась парижская фондовая биржа, ресторан «Максим», и прочие места скопления «буржуев». Особенно отличился в организации взрывов некий Раваполь, благодаря которому во французском языке появился термин «равапольировать». Впрочем, многие взрывы уносили жизни совершенно невинных людей и эффект от террора оказался только отрицательным.

На рубеже XIX-XX веков анархизм окончательно отделился от других направлений социализма. Впрочем, анархизм к тому времени не представлял собой единого целого ни идейно, ни организационно. Можно было с большой долей условности выделить такие направления анархизма:

- Анархо-индивидуализм (последователи Макса Штирнера), в основном не интересующиеся политикой. Индивидуалисти-

ческий бунт Штирнера оказался созвучным настроениям многих богемных деятелей культуры. О симпатиях к анархизму высказывались писатели и поэты Бернард Шоу, Оскар Уайльд, Джек Лондон, Александр Блок, живописцы К. Писарро, Ж. Сера, П. Синьяк, и др.;

- Анархо-мютюэлизм (прудонизм), в значительной степени утративший своё влияние, но продолжавший существовать в виде многочисленных групп кооператоров, обществ потребителей, касс взаимопомощи, создателей альтернативных общественных организаций борцов за гражданские права;
- Анархо-коммунизм, основным теоретиком которого считался Кропоткин, ставший основным направлением анархизма, причём нередко именно представителей анархо-коммунизма и считали анархистами. В основном именно анархо-коммунисты действительно составляли основную часть анархизма;
- Анархо-синдикализм, о котором будет сказано ниже.

На деле, направлений в анархизме было гораздо больше. Интересно, что в начале XX века специалисты Охранного отделения департамента полиции в Российской империи, характеризуя анархистское движение в России, заметили, что каждый анархист уже сам по себе есть направление в анархизме.

В начале XX века анархизм стал превращаться в идеологию мелких организаций, утративший влияние на массы. Правда, в конкретно-исторических условиях отдельных стран, анархизм периодически приобретал значительную популярность. В России в период революций 1905 и 1917 годов анархистские организации завоевывали определённое влияние, хотя всё равно не могли сравниться с партиями марксистов (большевиков и меньшевиков) и народников (эсеров и энесов). В годы гражданской войны в России существовало довольно мощное анархистское движение на юге во главе с Нестором Махно. В 1918-21 годах Махно командовал целой крестьянской армией, воевавшей против всех властей, пытавшихся править на юге России. Но именно в деятельность Махно наглядно

проявились все слабости идеологии анархизма. На контролируемая махновцами территории был установлен режим «военного анархизма» с реквизициями, расстрелами, даже своими деньгами, ничем не отличающийся от «военного коммунизма». Таким образом, анархизм именно своими короткими успехами как бы сам себя опроверг. После 1917 года «классический» анархизм почти исчез.

Только в Испании анархо-коммунисты имели огромное влияние. В июле 1927 года, на подпольном митинге в Валенсии, анархистские лидеры, сторонники революционного анархизма бакунинского толка создали Анархистскую федерацию Иберии, объединившую революционное крыло анархистов Испании и Португалии. Если её название перевести (что обычно и делается), как Федерация анархистов Иберии, то её сокращенное название ФАИ, совпадёт с испанским FAI (*Federacion Anarquista Iberica*). Она действовала как секретная организация по образцу бакунинского Альянса (отличаясь, однако, от своего мелкобуржуазно-интеллигентского предшественника своей массовостью и пролетарским характером), её возглавлял подпольный комитет. К середине 1930-х годов ФАИ насчитывала около 1 миллиона членов. Никогда в истории анархисты не имели такого влияния, как в Испании того времени. В то же время, ФАИ не была централизованной организацией. В соответствии с традициями анархизма она состояла из множества автономных групп, действующих без должного взаимного согласования, что и было источником её слабости. В результате, в испанской революции и гражданской войне 1936-1939 годов анархисты так и не сыграли значительной роли, уступив влияние более малочисленным, но организованным коммунистам и социалистам. Это было концом классического анархизма.

Однако специфика анархизма в том и заключается в том, что антиэтатистские идеи периодически возрождаются. «Второе издание» анархизма произошло в конце 1960-х годов в странах Западной Европы и США. Анархистские лозунги вдохновляли бунтующих студентов в Париже и других городах Запада в 1968 года. Не случайно

на здании театра Одеон, ставшего штабом парижских бунтарей в мае 1968 года висели рядом красный и чёрный флаги. Многие элементы анархизма оказали влияние на идеологию «новых левых» рубежа 1960-70-х годов. Наконец, буквально с конца 1990-х годов можно наблюдать уже третье издание анархизма. Целый ряд анархистских организаций являются заметной частью антиглобализма.

Анархо-синдикализм

Ещё одной сильной идеологией начала XX века, почти не сохранившейся в «чистом» виде к нашему времени, был анархо-синдикализм, первоначально возникший как разновидность анархизма, но быстро превратившийся в самостоятельную идеологию и политическое движение с многими миллионами последователей.

Название движение образовано от слов «анархизм», поскольку для последователей анархо-синдикализма ликвидация государства оставалась стратегической целью. Ведущую роль как в ликвидации государства, капиталистической эксплуатации, а также в будущем обществе, по мысли теоретиков, должны сыграть общественные организации, в первую очередь профсоюзы. По-французски профсоюзы именуются «синдикатами», или «синдикалами». Отсюда и понятие «синдикализм». Партийная и парламентская деятельность синдикалистами отвергалась, поскольку означало соглашение с правящим классом и государством.

Тактика революционного синдикализма начала вырабатываться рабочими во Франции в конце XIX веке в рамках движения меж-профессиональных объединений – «бирж труда». В 1892 году они образовали общенациональную федерацию, которая в 1902 году влилась в единый профцентр страны – Всеобщую конфедерацию труда (ВКТ). Преобладающее положение в ВКТ заняло

революционно-синдикалистское течение, опиравшееся на такие принципы и методы, как независимость от политических партий, неучастие в политической борьбе, «прямое действие», ориентация на экономическую борьбу трудящихся против предпринимателей за частичные улучшения положения наёмных работников, и на подготовку всеобщей стачки как средства социальной революции. Однако в профцентр входили и сторонники других социалистических течений, и компромисс между ними был закреплён в «Амьенской хартии» 1906 года, провозгласившей открытость ВКТ для всех рабочих, независимо от их политических убеждений. Влияние революционных синдикалистов проявилось в ряде радикальных забастовочных выступлений и кампаний, прежде всего, против милитаризма и колониальной политики и за введение 8-часового рабочего дня. Разнородность ВКТ, внутреннее противоборство и подавление стачечного движения властями способствовали тому, что уже в конце 1908 года руководство ВКТ перешло в руки реформистов.

Революционно-синдикалистское движение распространилось из Франции по другим европейским странам, причем этот процесс сопровождался острым противоборством с социал-демократией и находившимися под её влиянием профсоюзами. Такой эволюции способствовали почти повсеместный подъём забастовочного движения, распространение практики всеобщих стачек. Оппозиционные революционно-синдикалистские профцентры возникли в Швеции (Центральная организация шведских рабочих САК, 1911 г.), Италии (Итальянский синдикальный союз УСИ, 1912 г.) и ряде других стран. На позиции синдикализма перешли существовавшие с конца XIX в. небольшие рабочие организации Нидерландов (Национальный секретариат труда НСТ) и Германии (Свободное объединение немецких профсоюзов). Анархисты и революционные синдикалисты пользовались существенным влиянием в объединённом профцентре Португалии (Национальном рабочем союзе, 1911 г.).

Революционный синдикализм оказал влияние и на анархистское рабочее движение в тех странах, где оно существовало со времени Первого Интернационала (в Испании), или там, где оно возникло позднее (в Латинской Америке). В Испании в 1910 году возник общенациональный профцентр Национальная конфедерация труда (НКТ). В идейном и организационном отношении НКТ отражала своеобразный синтез между революционным синдикализмом и «чистым» анархизмом. Активно работали в профсоюзном движении анархисты таких латиноамериканских стран, как Мексика, Куба, Бразилия. Наибольшее развитие получил анархизм в рабочем движении Аргентины и Уругвая, где образованная в 1901 году Аргентинская региональная рабочая федерация (ФОРА) уже в 1905 году официально провозгласила принципы «анархистского коммунизма», отвергнув как концепцию «самодостаточности» синдикализма, так и идею «нейтральных» профсоюзов. В рядах ФОРА состояло около 200 тысяч человек, что особенно впечатляет, поскольку в Аргентине того времени всё население насчитывало около 7 миллионов человек.

Другой, независимый центр движения сложился в англосаксонских странах в форме «индустриального юнионизма», которая, в отличие от революционного синдикализма, была основана не на профессиональных рабочих союзах, а на фабрично-заводских и отраслевых организациях. Такой характер имел профцентр Индустриальные рабочие мира (ИРМ), образованный в 1905 году в США (где он организовал, в первую очередь, неквалифицированных работников и иммигрантов, игнорированных «официальными» профсоюзами), а позднее создавший отделения в Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке и т.д. Союзы ИРМ возглавляли радикальные стачки, а в британских доминионах вели борьбу против введения государственного арбитража в трудовых конфликтах. В Великобритании, Австралии и Новой Зеландии синдикалисты-юнионисты работали в тред-юнионах (шахтерах, транспортников и др.), стремясь добиться их перестройки по

отраслевому принципу. В отличие от революционных синдикалистов, «индустриальные юнионисты» не отвергли столь резко партийную и парламентскую деятельность.

Революционно-синдикалистскому движению не удалось сформулировать целостную идейную доктрину. На уровне теории революционный синдикализм остался комплексом различных по своему происхождению идей, воспринятых у приверженцев самоодстаточности профсоюзной борьбы, анархистов, левых социалистов – противников «крайностей» парламентаризма, «неомарксистов»-сорельянцев и др.

Между взглядами революционных синдикалистов и «классическими» анархистскими идеями существовали черты как сходства, так и различия. Их роднили отрицательное отношение к борьбе за политическую власть, использование революционного «прямого действия» (стачек, саботажа, бойкота и т.д.) и децентрализованная, федералистская форма организации. В то же время, в отличие от анархо-коммунизма, революционный синдикализм признавал классовую борьбу рабочих основой социальной революции, ориентировался не на модель вольной самоуправляющейся коммуны, а на образ общества, строящегося на производственной основе, допускал возможность промежуточных стадий на пути к свободному общественному устройству и т.д.

Октябрьская революция 1917 года в России оказала парадоксальное влияние на анархо-синдикализм. С одной стороны, синдикалистские профсоюзы и организации в 1920-е годы приобрели невиданное ранее политическое значение. Но, с другой стороны, анархо-синдикализм всё более уступал позиции в рабочем движении социал-демократам и коммунистам.

Так, в Германии в конце 1919 года возник Свободный рабочий союз Германии (синдикалисты) – ФАУД. В рядах организации состояло свыше 100 тысяч человек, и в несколько раз больше сочувствующих. Декларация принципов, написанная известным немец-

ким анархистом Р. Роккером, порывала с идеей «идейно-нейтрального» синдикализма и предусматривала соединение анархистских целей и синдикалистских методов борьбы. В качестве цели был провозглашён анархистский идеал – «вольный, то есть безгосударственный коммунизм», основанный на всеобщем самоуправлении и социализации средств производства. В качестве способов борьбы признавались методы экономического и социального прямого действия. Синдикалисты одобрили федералистскую форму организации рабочих союзов. ФАУД просуществовал до 1933 года, то есть прихода к власти нацистов, однако так и не стал массовой организацией. 100 тысяч членов ФАУД выглядели не слишком впечатляюще на фоне миллионов членов социал-демократических, коммунистических, католических или нацистских профсоюзов.

В Италии в УСИ было свыше 500 тысяч человек, однако многие из активистов Союза в развернувшейся в стране в 1919-22 годы поддерживали коммунистов, социалистов, а часть – и фашистов, поверив в их антикапиталистические лозунги. После прихода к власти фашистов в 1922 году итальянские анархо-синдикалисты были разгромлены.

В Испании в рядах НКТ, где представлены все направления анархизма, и которая стала самой крупной анархо-синдикалистской организацией мира, было свыше 1,3 миллиона членов. Однако противоборство между коммунистами и различными группами синдикалистов, репрессии властей, привели к тому, что эта мощная организация не сыграла той роли, которую могла сыграть. В гражданской войне 1936-1939 годов НКТ активно поддерживала власти Республики. После победы генерала Франко НКТ была разгромлена.

Во Франции, действуя совместно, синдикалисты, анархисты и коммунисты образовали объединенное движение «революционно-синдикалистских комитетов» (РКС), действующие внутри Всеоб-

щей Конфедерации Труда (ВКТ). В феврале 1922 года анархо-синдикалистское меньшинство покинуло ВКТ и образовало новый профцентр – Унитарную всеобщую конфедерацию труда (УВКТ), в которую вступило до 360 тысяч наемных работников. Однако столь характерная для анархистов дезорганизованность привела к тому, что вскоре большинство членов анархо-синдикалистских профорганизаций перешли к коммунистам и социалистам, сохраняющих вплоть до наших дней влияние на французские профсоюзы.

Сильные позиции имели анархо-синдикалисты в Латинской Америке. Помимо аргентинской ФОРА, крупные профобъединения Бразилии, Чили, Уругвая, Кубы, в основном шли за синдикалистами.

Стремление к координации единых действий анархо-синдикалистов во всемирном масштабе привела к созданию анархо-синдикалистского интернационала. Международная конференция революционных синдикалистов, которая проходила в Берлине 16-19 июня 1922 года, собрала делегатов из Франции, Германии, Швеции, Норвегии, Испании, а также от российских анархо-синдикалистов и официальных российских профсоюзов, представлявших коммунистический и просоветский Профинтерн (Красный Интернационал Профсоюзов). Коммунистическая фракция в УСИ и профсоюзы, отколовшиеся от немецкого ФАУД, не были допущены с правом решающего голоса, что побудило советских делегатов покинуть конференцию. Учредительный конгресс анархо-синдикалистского Интернационала проходил нелегально в Берлине с 25 декабря 1922 года по 2 января 1923 года. Возникшая международная организация – Международная Ассоциация Трудящихся, или Берлинский Интернационал, существует и в наши дни, хотя является малочисленной и невлиятельной организацией, представляя собой лишь тень бывшего величия.

В целом, в годы Великой депрессии 1929-33 годов, и в последовавшие затем годы подъёма фашизма и Второй мировой войны, анархо-синдикализм фактически исчез как самостоятельная идеология. Однако идеи и традиции анархо-синдикализма, выдвинутые им лозунги производственного и территориального самоуправления и в последующие годы оказывали влияние на социальные движения в мире, включая студенческий и молодёжный бунт 1968 года, польскую «Солидарность» 1980-81 годов, аргентинские «народные ассамблеи» 2001-2002 годов, радикальное крыло современных анти-глобалистских движений. В Латинской Америке синдикализм (уже без приставки «анархо-...») сохраняет сильные позиции в рабочем движении, и в деятельности низовых организаций народного самоуправления. Так, президентом Бразилии в 2002 году был избран (и переизбран 4 года спустя) профсоюзный активист, сторонник «нового синдикализма» Инасио да Сильва (Лула). Таким образом, исчезновение идеологии анархо-синдикализма не означает, что многие его принципы перестали вдохновлять многих теоретиков и политических активистов на создание новых идейных концепций.

Социал-демократия

Впервые марксистский социализм стал программой Социал-Демократической партии Германии (СДПГ), созданной на базе Всеобщего Германского Рабочего Союза журналистом Фердинандом Лассалем (1825-1864 гг.) в 1863 году. Это была первая в истории социалистическая рабочая организация. Несколько позднее, в 1869 г., на съезде рабочих организаций Германии в городе Эйзенахе, рабочими лидерами Августом Бебелем (1840-1913 гг.) и Вильгельмом Либкнехтом (1826-1900 гг.) была создана Социал-Демократическая Рабочая партия. Обе партии объединились в 1875 году на съезде в

городе Гота и с этого времени СДПГ не просто стала одной из ведущих партий современной Германии (впрочем, идеология которой значительно изменилась по сравнению со временами Бебеля), но и эталоном при создании социал-демократических партий в Европе конца XIX века.

Знаменитая немецкая организованность сказалась и в устройстве СДПГ. Эту партию можно считать первой массовой классовой партией в истории. Существовали строгие нормы вступления в партию. Например, не принимались в СДПГ лица, эксплуатирующие чужой труд. Для желающего вступить в ряды СДПГ обязательной была рекомендация от членов партии и определённый кандидатский стаж. Существовали массовые общественные организации, формально не связанные с партией, но фактически вносящие в массы идеологию СДПГ, например, молодёжные, женские, студенческие, кооперативные, спортивные и т.п. организации. Под идеологическим влиянием СДПГ находились (и находятся поныне) большинство профсоюзов Германии. Наконец, в период Веймарской республики 1919-33 годов СДПГ имела и свои военные формирования численностью в 3,5 миллиона человек.

В СДПГ царил своеобразный дух братства единомышленников. Не случайно социал-демократы обращались друг к другу словом «партайгеноссе» (товарищ по партии) и на «ты», несмотря на возраст и место в партийной иерархии. Членов партии можно было узнать в толпе по особой манере одеваться «по-пролетарски», своей лексике и пр.

Организованность и быстрый рост влияния СДПГ, которая уже на парламентских выборах 1877 года получила свыше полумиллиона голосов и завоевала 12 депутатских мандатов (при том, что многие потенциальные сторонники партии были лишены права голоса), напугали правящие круги Германии и канцлера Бисмарка. В 1878 году, воспользовавшись двумя покушениями анархистов на германского императора, Бисмарк ввёл закон, вошедший в историю

как «исключительный», поставивший социал-демократов вне закона. На СДПГ и все рабочие организации страны обрушились репрессии. Были арестованы тысячи социал-демократов, в Берлине и ряде городов вводилось осадное положение, закрыты были все левые газеты.

Но СДПГ противопоставила репрессивной машине бисмарковского государства тактику подпольной борьбы. Нелегальные комитеты партии вели умелую пропагандистскую работу, выпуская тысячи экземпляров подпольных газет, брошюр, воззваний. За границей была налажена работа «Красной почты», с истинно немецкой аккуратностью переправлявшей в Германию социал-демократическую литературу, в том числе, центральную газету «Социал-Демократ».

Социал-демократы мастерски использовали все возможности легальной деятельности. Наряду с нелегальными газетами выходили и формально независимые, социал-демократические издания. Журнал «Нойе Цайт», редактируемый К. Каутским, стал одним из крупнейших немецких журналов того времени, который читали также и за пределами страны. Лидеры запрещённой СДПГ А. Бебель, В. Либкнехт и другие, неоднократно избирались в парламент как независимые кандидаты. С парламентской трибуны они произносили агитационные речи, которые вынуждены были печатать официальные бюллетени, совершали поездки по стране за казённый счёт, создавая новые парторганизации.

В результате сложилось парадоксальное положение, когда запрещённая партия стала получать всё больше голосов на выборах и увеличивать своё влияние в обществе. «Исключительный закон» превратился в посмешище. В 1890 году он был отменён. Бисмарк, противившийся этому, получил отставку. Так социал-демократы победили самого «железного канцлера».

Вышедшая из подполья СДПГ стала быстро расти, и к 1914 году в её рядах состояло свыше 1 миллиона членов партии, 86 социал-

демократических газет имели 1,5 миллиона подписчиков. На парламентских выборах 1912 года СДПГ получила более 4,5 миллионов голосов. Но внутри этой мощной партии уже происходил идейный разлад, который неминуемо должен был привести к организационному расколу.

В 1870-90 годах политические партии с социалистической идеологией образовались в большинстве стран Европы, появились социалистические организации в США и странах Латинской Америки. В основном эти партии называли себя социалистическими, социал-демократическими, рабочими или трудовыми. Различия между социал-демократическими и просто социалистическими партиями обычно заключались в том, что первые были больше характерны для германских стран, вторые – для романских. В области идеологии социал-демократы были строго ориентированной на рабочий класс марксистской партией, в то время как социалисты, действовавшие в странах, где промышленный рабочий класс ещё был малочисленным, находили социальную опору в массе крестьян, ремесленников, городских низов. Это приводило к частым расколам, наличию множества фракций или одновременному существованию нескольких социалистических партий в одной стране. В идеологической области в социалистических партиях стран южной Европы, помимо марксистов, сохраняли сильные позиции анархисты. В Великобритании и ряде британских доминионов социалистические партии были самыми умеренными по идеологии, самыми организационно рыхлыми и называли себя Лейбористскими (Трудовыми) партиями.

14 июля 1889 года, в столетнюю годовщину взятия Бастилии, в Париже состоялся Конгресс социалистических организаций Европы, на котором был создан II Интернационал. В отличие от МТР новый Интернационал не был централизованной организацией, а представлял собой периодически созываемые конгрессы социал-демократических партий мира с целью координации усилий и обмена мнениями.

В начале XX века мировая социал-демократия стала влиятельнейшей политической и идеологической силой. К 1914 году в рядах социалистических и социал-демократических партий состояло свыше 4 млн. человек, число избирателей, отдающих голоса радикальным левым, превышало 12 миллионов, в парламентах различных стран было свыше 700 депутатов-социалистов. Под влиянием социал-демократов было большинство профсоюзов в Европе.

В 1904 году в Австралии, являвшейся британским доминионом, впервые в мире местные лейбористы возглавили правительство страны. Правда, не имея большинства в парламенте, лейбористский кабинет просуществовал только три месяца, ничем не проявив себя. Однако важен стал сам прецедент законного прихода рабочей партии к власти в условиях буржуазной демократии.

Наряду с этим социалисты и социал-демократы входили в правительства ряда стран Европы в коалиции с либеральными буржуазными партиями. Так, уже в 1899 году социалист А. Мильеран стал министром в коалиционном правительстве Франции. Правда, для того времени это было необычным явлением. Кроме того, среди коллег Мильерана по правительственному кабинету, оказался генерал Г. Галифе, подавлявший Парижскую Коммуну. Понятно, что поступок Мильерана вызвал споры и конфликты в международном социалистическом движении.

Социал-демократия, оставаясь по своей идеологии революционной партией классовой борьбы, смогла в мирных условиях добиться многого в интересах трудящихся. Под давлением социал-демократов были проведены многие социальные реформы, улучшающие условия труда и быта рабочих. Возглавляемые социал-демократами муниципалитеты вели масштабное строительство дешевого жилья. Именно социал-демократы вели борьбу за предоставление прав женщинам, включая права голоса, права на развод и т.п. Буржуазные партии и политики, опасаясь потерять своё влияние, видя рост популярности социал-демократов, нередко также

вынуждены были проводить реформы в интересах трудящихся. Благодаря социальным реформам значительно улучшилось положение рабочего класса, укрепилась политическая демократия во многих странах. Всё это не могло не вызвать в рядах социал-демократии появление сторонников отказа от идеи революционного переустройства мира в пользу социального реформирования.

Главным выразителем такого взгляда стал Эдуард Бернштейн (1850-1932 гг.). Редактор газеты «Социал-Демократ» во времена «исключительного закона», один из авторов Эрфуртской программы СДПГ 1891 года, ставшей эталоном для других социал-демократических партий мира, в ряде своих книг и статей конца 1890-х годов Бернштейн вполне справедливо заметил, что теоретический социализм не должен считаться непогрешимым «священным писанием»²⁹. В силу этого марксизм нужно подвергнуть «ревизии» (пересмотру), убрав устаревшие или не подтвердившиеся представления. Сама практика даст ответ на вопросы, которые марксизм не может объяснить. С точки зрения Бернштейна, без насильственных потрясений, используя институты и нормы демократии, через потребительские общества, профсоюзы, общественные организации и т.д., можно добиться улучшения положения трудящихся. Социализм, по Бернштейну, не наука, а скорее вектор моральных стремлений к справедливому общественному строю. По мере расширения демократии классовая борьба будет носить всё более мирные формы. Систематическое проведение реформ изменит качество капиталистического общества, постепенно превратив его в социалистическое.

Бернштейн был не одинок. Подобные взгляды на рубеже XIX-XX веков высказывали многие деятели социал-демократии. Бернштейн справедливо писал, что большая часть его возражений

---

²⁹ На русском языке вышли такие работы Бернштейна, как «Условия возможности социализма и задачи социал-демократии». СПб., 1899, «Очерки по теории и истории социализма», СПб., 1902, «Классы и классовая борьба». М., 1906, «Теория и практика современной социал-демократии. СПб., 1906, «Экономическая эволюция», СПб.

Марксу, «если не всё, было по существу уже сказано другими или, по крайней мере, намечено»³⁰. Другое дело, что Бернштейн разработал наиболее цельную платформу и «ревизионизм» (как стали называть взгляды Бернштейна) из настроения превратился в направление социалистической мысли.

Большинство социал-демократов не одобряли слишком откровенный отказ Бернштейна от революции в пользу реформ. Наиболее радикальные из партий II Интернационала, среди которых выделялись русские большевики, развернули ожесточённую критику ревизионизма. Попытку занять промежуточное положение между бернштейнцами и радикальными социалистами предпринимали «центристы», к числу которых относились лидеры II Интернационала К. Каутский, В. Адлер и др. В целом, однако, расхождения между направлениями социал-демократии всё усиливались. Всё это логично привело в 1917 году, после Октябрьской революции в России, к расколу марксистского социализма. Уже в 1919 году, после создания III Коммунистического Интернационала (Коминтерна), левые социал-демократы европейских стран создали отдельные коммунистические партии. С этого времени понятия «социал-демократ» и «коммунист» стали обозначать совершенно разные идеологические направления и политическую практику.

После 1917 года, несмотря на уход части радикально настроенных социалистов в коммунистическое движение, социал-демократия сохранила, и даже в ряде стран, усилила свои позиции. В 1920-30-х годах социал-демократы побеждали на выборах в ряде стран Европы. Так, в 1932 году социал-демократы впервые пришли к власти в Швеции, которой они правят с очень короткими перерывами вплоть до наших дней. В союзе рядом других левых партий, в том числе и коммунистов, в 1930-х годах социалисты формировали правительства во Франции, в Испании и ряде других стран

---

³⁰ Бернштейн, Э. *Условия возможности социализма и задачи социал-демократии*. СПб, 1902. С. 25.

Европы. Социал-демократы возглавляли муниципалитеты многих городов, контролировали наиболее крупные профсоюзные объединения.

Социал-демократические правительства в довоенные годы осуществили значительные социальные программы в интересах трудящегося большинства. Так, во Франции правительства Народного Фронта, пришедшее к власти после победы на выборах в 1936 году, ввело оплачиваемый отпуск, пособия по безработице и болезни, расширило права профсоюзов.

В годы Второй мировой войны социал-демократы активно участвовали в Соппротивлении оккупантам, в организации военной экономики в воюющих странах антигитлеровской коалиции (например, в Англии). Не удивительно, что после войны социал-демократия приобрела гигантское влияние. Почти во всех странах западной Европы социал-демократические и лейбористские партии пришли к власти. Более того, многие социальные преобразования социал-демократического толка стали проводить либеральные партии (смотрите далее «неолиберализм»). В целом, в 1950-70-е годы в большинстве стран Запада социалистические и социал-либеральные партии не без успеха строили «государство всеобщего благосостояния» (*welfare state*). В соответствии с этой концепцией, государство, опираясь на прогрессивное налогообложение и мощный госсектор, регулируя экономическую жизнь страны, осуществляет перераспределение средств в пользу малоимущих слоев. Основной социальной базой социал-демократии теперь признавались не только рабочие, но также и самые широкие слои населения, включая лиц свободных профессий, мелких предпринимателей, расовые, этнические и конфессиональные меньшинства, женщины. Социал-демократические партии превратились теперь в народные партии, не ориентируясь только на один класс. В ряде скандинавских стран действительно было создано социально однородное общество, лишенное резких социальных диспропорций. Интересно, что хотя само по себе «государство всеобщего

«благополучия» стало как бы визитной карточкой западной социал-демократии, большинство теоретиков данного течения (Дж. К. Гэлбрейт, Р. Харрод, Дж. Стречи, и др.) были отнюдь не социалистами.

После экономического кризиса 1970-х годов социал-демократы вынуждены были отказаться от некоторых фундаментальных принципов своей прежней идеологии. Например, национализация не рассматривается как непеременимое условие социальных реформ, частный сектор признается равным партнером государственного и кооперативного. Всё это помогло социал-демократам сохранить и расширить своё прежнее влияние. В результате, как отметили наблюдатели, в XXI век Европа «вошла с левой ноги».

С 1951 года существует международное объединение социал-демократических партий – Социалистический Интернационал (Социинтерн), считающийся продолжателем II Интернационала. В настоящее время в Социинтерн входят почти 100 партий и объединений.

Коммунизм

Коммунизм как идеология появился в виде партии русских большевиков в 1903 году, то есть ещё до окончательного раскола международной социал-демократии. Под руководством Ленина большевики в ноябре 1917 года взяли власть в свои руки и осуществили грандиозный эксперимент по созданию качественно нового общества.

Под влиянием большевизма возникли коммунистические партии в большинстве стран мира. В 1919-1943 годы общее руководство ими осуществлял III (Коммунистический) Интернационал, или Коминтерн. В годы Второй мировой войны коммунисты играли

выдающуюся роль в сопротивлении фашизму, что весьма способствовало популярности коммунистических партий после войны.

Однако сам коммунизм быстро раскололся на ряд направлений. Уже в 1920-х годах сложился троцкизм (по имени его лидера Льва Троцкого), претендующий на роль истинного ленинского учения. Троцкизм в виде множества сект (известно не менее 60 «направлений» троцкизма) существует и в наши, хотя серьёзной роли в идеологии и политики не играет.

В 1960-е годы из международного коммунизма выделился маоизм, увлекший за собой многие партии и группы в странах Азии и Латинской Америки. Своё название это направление получило от лидера коммунистов Китая Мао Цзэдуна (1893-1976 гг.). Основные постулаты маоизма заключались в том, что: рабочий класс Запада перестал быть революционной силой, полностью интегрируясь в капитализм; западные компартии, отражая интересы подобного класса, также перестали быть революционными, повторив путь ревизионистов в социал-демократии; социалистические страны во главе с СССР заинтересованы в мирном сосуществовании с Западом и поэтому не могут движущей силой мировой революции; революционную роль могут играть лишь крестьяне «Третьего мира», (недавних колоний, только что завоевавших независимость), причём их борьба может носить характер лишь многолетней партизанской народной войны.

Маоизм действительно оказался привлекательным для крестьянских масс многих стран. На рубеже XX-XXI веков в целом ряде стран (Филиппины, Бирма, Непал, Перу, Колумбия) действовали повстанческие армии, вдохновляющиеся маоистскими идеями. В начале 1999 года маоистские партизанские группировки распространили документ, в котором, в частности, говорится:

«1. Мы чтим Мао Цзэдуна как великого теоретика и практика народной войны в период новодемократической революции в

Китае против империализма, феодализма и бюрократического капитализма.

2. Исторический опыт доказывает, что разработанные Мао теория и практика народной войны согласуются с учением Маркса о том, что классовая борьба должна привести к диктатуре пролетариата. Пролетарская революционная линия Мао последовательно идет от народной войны и новодемократической революции к социалистической революции и строительству социализма и далее – к теории и практике продолжения революции при диктатуре пролетариата...

3. Стратегическая линия затяжной народной войны, предполагающая окружение города деревней, является революционным выражением базового демократического союза пролетариата и крестьянства. Она применима во многих странах, например, в тех, где крестьянские массы составляют большинство производителей и борются за аграрную революцию как за главную составляющую демократической революции.

4. Существует ряд коммунистических партий, успешно проводящих стратегическую линию затяжной народной войны в соответствии с учением товарища Мао. Они используют неисчерпаемые ресурсы участия и поддержки народа. Они создали, или готовятся создать, демократические органы политической власти.

Эти партии укрепили и расширили организованную силу масс в ходе ожесточённой революционной борьбы. Они отразили множество всевозможных наступлений врага, включая использование им стратегии “низкоинтенсивного конфликта”, антикоммунистическое идеологическое и политическое наступление, связанное с падением ревизионистских режимов, искаженное представление им вооружённых революционных движений как терроризма и, в некоторых случаях, предложения мирных переговоров и лицемерные призывы к “мирному развитию”. Сохраняя свою революционную позицию, они продолжают существовать после ухода с

исторической арены тех вооруженных движений, которые пользовались поддержкой ревизионистских режимов и буржуазных средств массовой информации. Такие движения, как правило, предавались их лидерами-оппортунистами и уводились на путь капитуляции и компромисса с неокOLONIALИСТАМИ.

5. Народные войны и революционные восстания представляют собой самый передовой отряд в борьбе против “нового мирового порядка”. Объективно, они наносят серьёзные удары по империализму, показывают, что сопротивление народа не может быть подавлено, и укрепляют веру масс в свои силы. Эти вооруженные выступления – генеральный сигнал к наступлению: к усилению борьбы против современного империализма. Кроме того, они играют решающую роль в восстановлении коммунистического движения. Они дают ответ на центральный вопрос революции – вопрос за-хвата политической власти»³¹.

Впрочем, современные маоисты, пусть даже и имея массовую базу в ряде стран, во всемирном масштабе остаются сектантами. В этом смысле они не отличаются от ортодоксальных марксистов-ленинцев или троцкистов. Всё это делает коммунистическое направление в социализме достаточно ослабленным даже на фоне ослабления остальных мировых идеологий.

Национализм

Как уже отмечалось, национализм является, с одной стороны, частной идеологией, поскольку его интересуется лишь судьба одного конкретного этноса. Но, с другой стороны, ни одно идеологическое направление, как бы стремилось быть «выше» национальных

---

³¹ *Maoist Internationalist Movement Notes*, 180. February 15, 1999.

пристрастий, всё равно не может игнорировать национальную специфику своей страны.

Слову «национализм», одному из наиболее употребительных и наименее ясных в политологии, особенно не повезло в научной литературе. Западный историк Д. Кларксон иронически сказал: «Национализм подобен греху – это явление настолько знакомое, что не поддаётся определению или даже точной характеристике»³².

Хотя чувство единства со своим народом относится к числу вечных, но термин «национализм» исторически появился сравнительно недавно, в 1812 году. Тогда в наполеоновской Франции под этим словом понималось слияние всех французов без сословных и религиозных различий в единую нацию. Впрочем, ещё в 1874 году в той же Франции энциклопедический журнал «Ларусс» обозначал слово «национализм» как неологизм. Зато в XX веке словом «национализм» начали чрезмерно злоупотреблять.

В русской литературе утвердилась негативная оценка национализма. Так, в Большой Советской Энциклопедии о национализме говорилось: «Национализм – буржуазная и мелкобуржуазная идеология и политика, а также психология в национальном вопросе. Н трактует нацию как высшую внеисторическую и надклассовую форму общественного единства, как гармонию, целое с тождественными основными интересами всех составляющих её социальных слоёв... для Н характерны идеи национального превосходства и национальной исключительности, получающие большее или меньшее развитие в зависимости от обстановки, от взаимоотношений данной нации с другими». В изданном в 1983 году «Кратком политическом словаре» сказано: «Национализм-буржуазная идеология, политика и психология в национальном вопросе. Для национализма характерны идеи превосходства одного – «высших»,

---

³² Clarkson, J.P. (1959). "Big Jim" Larkin: a Foot not to Nationalism. *Nationalism and Internationalism*, 45-63. N.Y.

якобы «избранных» самой природой наций над другими – «низшими», «неполноценными»³³.

Примерно так же трактует национализм, изданный десятилетие спустя, совсем в иную эпоху, энциклопедический словарь по политологии: «Национализм – это идеология, психология, социальная практика подчинения одних наций другим, проповедь национальной исключительности и превосходства, разжигания национальной вражды, недоверия и конфликтов»³⁴.

Современный электронный словарь также объявляет, что «национализм – гипертрофированная форма национального сознания, провозглашающая идеи национальной исключительности, замкнутости, превосходства»³⁵.

Однако, чем же национализм в такой трактовке отличается от шовинизма и расизма? Борьба угнетённых наций за своё освобождение ведь тоже называется национализмом и в этом деле национализм является делом вполне позитивным. В.И. Ленин, будучи убеждённым интернационалистом, тем не менее писал, что национализм, который пробуждается у угнетённой нации, имеет «историческое оправдание»³⁶.

Оппонент Ленина почти по всем вопросам Н.А. Бердяев делил национализм на агрессивный, разрушительный, зоологический, и на национализм творческий, созидательный, способный вести нацию по пути общественного прогресса. Как видим, применительно к угнетённой нации национализм имеет вполне позитивный смысл. Современные русские правые особенно ценят виднейшего философа Русского Зарубежья И.А. Ильина и его трактовку национализма: «Национализм есть любовь к историческому

---

³³ *Краткий политический словарь*. М., 1983. С. 211.

³⁴ *Политология: энциклопедический словарь*. М.: Изд-во Московского Коммерческого Университета, 1993. С. 195.

³⁵ Глоссарий.Ру.

³⁶ Ленин, В.И. *ПСС*. Т. 39. С. 330.

облику своего народа во всём его своеобразии. Национализм есть вера в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание, Национализм есть воля к тому, чтоб мой народ творчески и свободно цвёл в Божием саду. Национализм есть созерцание своего народа перед лицом Божиим, созерцание его души, его недостатков, его талантов, его исторической проблематики, его опасностей и его соблазнов, Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания»³⁷. Красиво, но непонятно, если не считать абсолютно позитивного отношения к понятию «национализм».

На Западе понятие «национализм» не имеет никакого негативного оттенка. Так, американский словарь Вебстера под национализмом понимает: «1. Преданность своему народу. 2. Защита национального единства, или независимость». Британская Энциклопедия сообщает: «Национализм: верность и приверженность к нации, или стране, когда национальные интересы ставятся выше личных или групповых».

Современные западные ученые также согласны с позитивным отношением к национализму. Определения национализма у них принципиально не отличаются от тех, что были приведены выше. Весьма интересную трактовку национализма дал Э. Геллнер: «национализм обозначает принцип, требующий совпадения этнических и политических границ, а также чтобы управляемые и управляющие внутри данной политической единицы принадлежали к одному этносу»³⁸. С этим можно согласиться, хотя национализм не исчерпывается только соединением нации в одном государстве или борьбой за этническую чистоту правящей верхушки.

Позитивное отношение к национализму высказывал великий гуманист М. Ганди: «Национализм в моем понимании означает, что

---

³⁷ Ильин, И.А. *Наши задачи*. М.: Парог. 1992. С. 282.

³⁸ Геллнер, Э. *Нации и национализм*. М., 1991. С. 5.

моя страна должна обрести свободу, что, если нужно, вся моя страна должна умереть, чтобы человечество должно жить...»³⁹.

Еще одно определение национализма дал Гасан Гусейнов в советско-французском «Словаре нового мышления»: «Национализм – термин, означающий приоритет национальных (этнических) ценностей как перед личностными, так и перед иными социальными (групповыми, универсальными) ценностями и применимый для описания политической практики, идеологии и социально-психологической ориентации личности»⁴⁰. С определением Гусейнова вполне можно согласиться.

На тему «национализм» можно написать (и уже написаны) горы книг, но всё равно само это понятие с трудом будет поддаваться классификации, поскольку по мере изменений бытия наций будут изменяться и формы национализма.

Главная причина сложностей в определении национализма заключается именно в не разработанности самого понятия «нация». Не желая ещё больше загружать книгу определениями, дискуссиями и точками зрения разных ученых, ограничусь лишь напоминанием, что существует два определения нации – англо-французское и немецкое. Согласно первому, нация – совокупность граждан страны. В этом смысле получившие гражданство иммигранты сразу входят в американскую или французскую нацию. Понятно, что в США или Франции часто используется слово «национальный» (типа «национальные интересы») для обозначения общегосударственного. Немецкое понятие нации, («этнонационализм»), получившее распространение в России, понимает под нацией этнос, т.е. кровнородственную межпоколенную общность. Этнос не обязательно может иметь свою государственность и даже определённую территорию, но обладает единством крови, языка и культуры.

---

³⁹ Горев, А.В. *Махатма Ганди*. М.: Международные отношения, 1984. С. 7.

⁴⁰ *Опыт словаря нового мышления*. М., 1989. С. 65.

Автор, полностью осознавая дискуссионность определения, предлагает считать националистами совокупность всех партий, организаций и движений, руководящихся в своей практической деятельности приоритетом интересов нации – этноса (а не класса, социальной группы или конфессии).

В XX веке националистические движения, чаще всего, дополнявшие национализм многими элементами из глобальных идеологий, доминировали в политическом развитии мира. Не случайно XX век многие исследователи называют веком национализма.

Фашизм

Как уже говорилось, фашизм также являлся частной идеологией, доминирующей в конкретных странах в конкретных исторических обстоятельствах. Однако, учитывая последствия распространения фашизма в ряде стран Европы в 1920-40-х годов, в исследовании политических идеологий не обойтись без краткого упоминания о сущности фашистской идеологии. О фашизме, его идеологии, политике, лидерах, написано огромное количество трудов. Германский исследователь И. Фест ещё в 1970-е годы подсчитал, что по количеству посвящённых ему биографий Гитлер уступает только одному персонажу мировой истории – Иисусу Христу.

Но что же такое фашизм? Прежние советские определения фашизма как «диктатуры наиболее агрессивных и реакционных кругов монополистического капитала в период общего кризиса капитализма» звучит несколько несовременно. Многие западные политологи (К. Фридрих, Зб. Бжезинский, Х. Арндт) вообще отрицают термин «фашизм», заменяя его ещё более неопределённым термином «тоталитаризм». Однако в целом концепция тоталитаризма является пропагандистским штампом времён «холодной

войны». В самом деле, если считать, что главным в фашизме является наличие непогрешимого вождя, тогда к тоталитаризму можно отнести древнеримский цезаризм, католическую церковь, бонапартизм, и многие другие политические движения в истории. В 1960-е годы многие левые журналисты ядовито указывали, что сами западные страны могут считаться тоталитарными, если в них существуют только по две партии, а политическая демократия в значительной мере превращена в формальность. Конечно, это было преувеличением, но в целом уязвимые места концепции тоталитаризма их критики подметили правильно. Думается, что термин «тоталитаризм» необходимо отбросить и вернуться к конкретному понятию «фашизм».

Однако и в отношении термина «фашизм» также возникают многочисленные трудности. Так, итальянский фашизм, германский национал-социализм, испанский франкизм, очень серьёзно отличались друг от друга. В результате нередко каждый из этих режимов и его идеологии нередко расценивается как принципиально различные явления. Всё же, при серьёзных расхождениях между национальными вариантами фашистских движений и режимов, можно всё же выделить то общее, что было присуще, в той или иной степени, всем движениям.

Обычно под фашизмом понимают движения и режимы, установившиеся в 1920-40-е годы в Италии, Германии и ряде других стран Европы. Из особенностей тех режимов – вождизма, однопартийности, официальной идеологии расизма, антисемитизма, милитаризма и агрессии и т.п. выводятся характерные принципы фашизма вообще. Однако особенности режимов Японии, Испании, балканских стран не вписываются в жёсткие рамки «классического» итало-германского фашизма. Приходится признать, что тема фашизма является одной из самых неразработанных, несмотря на обилие источников, тем в мировой политологической литературе. И особенно, это относится к фашизму после 1945 года, после краха его классических форм. Весьма многочисленные послевоенные

неофашистские организации и движения, за исключением мелких сект обычно признают (пусть даже только на словах) принципы демократии, европейской интеграции и т.д.

С другой стороны, явление «зависимого фашизма», т.е. фашизоидные марионеточные режимы стран, оказавшихся в зависимости от государств – «метрополий» фашизма (такowymi были во второй мировой войне Норвегия под властью В. Квислинга, режим Виши во Франции, «Республика Сало» в Италии) получил широчайшее распространение после 1945 года. Справедливости ради надо заметить, что очень часто фашистскими называют любые зависимые диктатуры в развивающихся странах.

Но что общее было характерно как для классического, так и современного фашизма? Ни однопартийность, ни фюрер-принцип, ни антисемитизм не являются исключительной чертой фашизма. Главный его принцип – идеал существования «высшей» нации (или расы), призванной быть «народом-господином», и «недочеловеков», призванных быть их рабами. Всё это присуще всем фашистским теориям, а уж организационные формы фашистского движения и особенности политического режима – уже частности. В силу этого к режимам фашистского типа, возникших уже после разгрома германского национал-социализма (который можно считать наиболее «чистой», доведённой до конца формой фашизма) можно отнести Южно-Африканскую Республику до отмены апартеида, Израиль, и, наконец, Эстонию и Латвию. Во всех перечисленных режимах существовали или существует законодательно закреплённая дискриминация значительной части жителей страны, и при этом господствующая нация живёт в условиях демократии. Таким образом, можно считать наиболее характерной формой фашизма после 1945 года своеобразный «демократический фашизм» или «фашизм с человеческим лицом».

Итак, «фашизма вообще» не существует. Всегда существовал (и сегодня существует) большой набор разных фашизмов, зачастую

конкурентных друг другу – и даже враждебных, причём враждебных до такой степени, что сторонники одного фашизма норовят полностью истребить сторонников другого.

В 1930-х годы сложились 3 варианта фашизма: нацизм, итальянский фашизм и франкизм. Эти три фашизма часто именуют «классическими». «Классические» фашизмы имеют некоторые общие черты: все они – движения «среднего класса», предъявляющего претензии на политическую власть – в ущерб традиционным элитам и в противодействие социальным низам (рабочим, крестьянам), – причём движения массовые, создавшие собственную, отличную от традиционного консерватизма, идеологию и использующие революционные методы борьбы против левого революционного лагеря.

Но дальше начинаются резкие различия даже между «классическими» фашизмами. Нацизм опирался на городской «средний класс»; строил иерархическое технократическое военное индустриальное государство (в идеале – гигантский военный завод); поддерживался (и приводился к власти) промышленным капиталом; был ориентирован на языческую мистику и расовую чистоту; рассматривал свою «революцию» как эксперимент по ускоренной модернизации; ставил государство в подчинение партии. Итальянский фашизм опирался на сельский «средний класс»; строил патерналистское «корпоративное государство»; поддерживался (и приводился к власти) преимущественно сельскохозяйственным крупным капиталом; был ориентирован на католицизм и внешний национализм (средиземноморский империализм); рассматривал свою «революцию» как превентивную – с целью недопущения «большевизации» Италии. Партию итальянские фашисты ставили в подчинение государству. Франкизм еще более откровенно опирался на сельский «средний класс», чем итальянский фашизм, но также и на колониальные круги и военщину; поддерживался аристократией; строил патриархально-монархическое государство; был ориентирован на воинствующий ультрамонтанский католицизм; рассматривал свою

«революцию» как национально-превентивную – с целью недопущения «большевизации» Италии; ставил партию в подчинение государству. Франкизм еще более откровенно опирался на сельский «средний класс», чем итальянский фашизм, но также и на колониальные круги и военщину; поддерживался (и приводился к власти) феодальной элитой; строил патриархально-монархическое государство; был ориентирован на воинствующий традиционалистский католицизм; рассматривал свою «революцию» как радикальный способ вернуть Испанию к временам средневековой мировой империи. Присущий «классическому» фашизму вождизм приводил также и к тому, что личные качества вождей также серьёзно влияли на программные установки фашистских движений. Всё это привело к наличию принципиально различных политических программ фашистских движений.

Причины порождения фашизма сразу после первой мировой войны объясняют различными причинами:

- фашизм есть порождение и диктатура крупного монополистического капитала (Г. Димитров);
- фашизм есть антикапиталистический бунт мелкой буржуазии (среднего класса);
- фашизм – разновидность праворадикального вождистского движения бонапартистского типа (О. Бауэр, Х. Брандлер);
- фашизм – болезнь, результат оболванивания масс (Г. Лукач);
- фашизм порождение демонических личностей Муссолини и Гитлера (И. Фест);
- фашизм – пропагандистский фантом, никакого родового понятия фашизма не существует.

К «неклассическим» формам довоенного фашизма можно отнести распространившиеся в странах Восточной Европы крестьянские и клерикальные партии, тесно связанные с традиционной элитой (поэтому большинство из них трудно считать революционными организациями, в отличие от гитлеровской НСДАП). Эти партии

не имели массовой базы, и к власти приходили в результате государственных переворотов, чаще всего, с помощью внешних сил. Как правило, эти партии и их режимы не ставили перед собой задачу создания качественно иного общества, а стремились сохранить традиционную систему, устранив подрывающие её элементы в виде «красных», евреев и других инородцев. К таким партиям можно отнести румынскую «Железную Гвардию», венгерские «Скрещенные стрелы», хорватских усташей, словацких глинковцев. Именно по причине отсутствия массовой базы и контроля со стороны «метрополий» эти режимы оказались весьма слабыми.

О фашизме после 1945 года вообще не существует единой научной точки зрения. С одной стороны, очень часто фашистскими режимами называли все жестокие диктатуры (в Греции в период правления «чёрных полковников» в 1967-74 гг., Чили при Пиночете в 1973-89 гг., и другие). Но вообще во всех этих случаях нигде фашистские партии не имели массовой базы, в первую очередь в среднем классе, и сами диктаторские режимы опирались лишь на армию, спецслужбы, и на поддержку «метрополии», каковыми были США и другие западные демократии. Это относится и к ЮАР (до отмены апартеида), Израилю, Эстонии, Латвии, и диктатурам в «Третьем мире» после 1945 года.

ГЛАВА III.

«ПОСТКЛАССИЧЕСКИЕ» ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ В XXI ВЕКЕ

С середины XX века, сформулированные веками ранее мегаидеологии в своих «классических» формах перестали отвечать главным функциям идеологии. Развитие человечества шло не по тем проектам, которые предлагали все идеологии. В результате в головах идеологов и под пером пропагандистов происходила переоценка основных идеологических ценностей. При этом парадоксальным образом, нередко именно успехи тех ценностей, которые отстаивала та или иная идеология, приводили к определенному кризису этих идеологических направлений. Например, кризис классического либерализма был связан именно тем обстоятельством, что многие его фундаментальные ценности были настолько усвоены обществом, что вошли в арсенал ценностей консерватизма и отчасти, социализма.

Таким образом, в результате внесения идеологических поправок, вызванных духом времени, усвоению многих положений своих оппонентов, мировые идеологии за последние полвека сильно изменились. Рассмотрим наиболее значительные из них, оказывающие влияние на политическую жизнь человечества в новом тысячелетии.

Неолиберализм

Как уже говорилось, либерализм стал первой по времени рождения мировой идеологией, и он же первым испытал идейный кризис. Первая мировая война и Великая депрессия 1930-х годов, казалось, покончили с либерализмом. В эпоху государственного регулирования экономики, милитаризации, подъёма националистических чувств, старые добрые ценности либералов стали казаться устаревшими. Показательно, что Либеральная партия Великобритании после 1922 года никогда не приходила к власти, превратившись в одну из сотни британских «третьих» партий. Аналогичным образом, исчезли или стали незначительными по влиянию либеральные партии в большинстве стран Европы.

Тем не менее, либерализм не исчез. Позаимствовав многое из арсеналов своих противников, либерализм превратился в неолиберализм. Характерной чертой этого обновлённого либерализма стал отказ от требования невмешательства государства в экономическую жизнь, активное социальное реформирование, перераспределение средств в пользу малоимущих, борьба за равенство неполноправных категорий населения (этнических и расовых меньшинств). Многие из фундаментальных требований неолиберализма позаимствовано у социализма (в его социал-демократической трактовке), многое – у консерваторов, но в основном идейная основа неолиберализма все же взята из социального либерализма начала XX века.

Классическими примерами неолиберальной идеологии и политики могут служить социальные и экономические реформы в США, проводимые Ф. Д. Рузвельтом в 1930-е годы, и Кеннеди – в 1960-е годы. Напомним, что, возглавив страну в 1933 году, разгар величайшего экономического кризиса, Рузвельт начал осуществлять самые значительные в американской истории реформы, получившие название «нового курса». Администрация Рузвельта

приняла многие социальные законы в интересах малоимущих слоев, активно вмешивалась в хозяйственную жизнь страны. Это противоречило классическому либерализму и в целом американским традициям. Однако «новый курс» показал свою эффективность, и не случайно Рузвельт четырежды переизбирался президентом США. Показателем эффективности «нового курса» стало то, что после Рузвельта новые администрации США не ставили под сомнение основополагающие принципы неолиберализма, стремясь лишь подкорректировать его.

Виднейшими теоретиками неолиберализма стали экономисты Дж. М. Кейнс, Дж. К. Гэлбрейт, и др., на основании «нового курса» Рузвельта пришедшие к весьма радикальным выводам в области экономической теории, и, в меньшей степени, политической идеологии. Главным открытием новоллиберальных экономистов была мысль о необходимости государственного регулирования экономических процессов с помощью кредитно-денежных и финансовых рычагов.

В начале 1960-х годов новая американская администрация, возглавлявшаяся Дж. Кеннеди, а затем, после его гибели, Л. Джонсоном, также провела ряд значительных социальных реформ. Была ликвидирована сохранявшаяся в США целый век после Гражданской войны расовая дискриминация, значительно увеличены социальные расходы, проводилась «война с бедностью», и провозглашена амбициозная цель создания в США «Великого Общества», лишённого социальных и расовых конфликтов. Хотя в целом проект «Великого общества» потерпел неудачу, а неолибералы дискредитировали себя, втянув США в войну во Вьетнаме, все же основные социальные достижения того времени стали частью американской социальной жизни.

Несколько ослабленную неолиберальную политику проводила в США администрация Клинтона (1993-2001 гг.). Правда, в силу ряда благоприятных для США обстоятельств (исчезновение СССР и

сокращения военных расходов, сильные позиции американских компаний в глобализированной экономике, и пр.), правительство Клинтона смогло провести значительные реформы, не прибегая к государственному регулированию экономики и контролю за большим бизнесом. При Клинтоне были проведены меры по развитию системы здравоохранения, просвещения, защите прав потребителя, и экологии.

В целом, неолибералы весьма серьёзно отличаются от «классических» либералов. В частности, если прежние либералы приоритет отдавали свободе, отрицая саму возможность социального равенства, то неолибералы стремились ослабить социальное неравенство. В своем стремлении не допустить, или ослабить социальные конфликты неолибералы были готовы осуществить частичную национализацию, ввести прогрессивное налогообложение, создать масштабную систему государственного социального обеспечения.

Как видим, многое из того, что отстаивают неолибералы в Америке, в странах Европы осуществляют социал-демократы. Разумеется, между ними сохраняются и принципиальные различия. В частности, неолибералы никогда, даже в теории, не ставят под сомнение частное предпринимательство. Неолибералы по-прежнему являются сторонниками негативной свободы («свободы от...»). Задача создания бесклассового общества (столь заманчивого для социал-демократов) никогда не вдохновляла неолибералов. Для многих неолиберальных политиков были характерны опасения рождения «тирании большинства».

С середины 1970-х годов неолиберализм пребывает в состоянии кризиса. Экономические потрясения поставили крест на идее «государства всеобщего благосостояния». Новый виток научно-технической революции и глобализация мира привели к кризису кейнсианской теории государственного регулирования. Даже клинтоновские преобразования в США не породили какой-либо новой

версии неолиберализма. Впрочем, это не значит, что в ближайшей перспективе не появится какой-нибудь нео-неолиберализм.

Остается добавить, что в 1990-е годы неолиберализмом стали называть экономическую практику, осуществляемую транснациональными корпорациями. Не случайно многие представители антиглобалистского движения своих противников именуют неолибералами, хотя воззрения и практика последних весьма существенно отличается от неолибералов.

Неоконсерватизм и «новые правые»

С середины 1970-х годов, одновременно с кризисом неолиберализма, в полной голос заговорил неоконсерватизм. Главной новизной этого консерватизма было усвоение им многих либеральных постулатов (свободного предпринимательства, права индивида, отрицательное отношение к социальному равенству, и пр.). За столетие существования «классического» либерализма многие его положения стали частью национальной традиции многих западных стран. В этом смысле защита либеральных ценностей действительно стала частью консерватизма.

Неоконсерваторы наибольшую популярность завоевали в англосаксонских странах, в которых и прежде социалистические и неолиберальные концепции никогда не завоевывали большинства. Своё кредо неоконсерватизм изложил в предвыборном манифесте британской Консервативной партии в 1979 году. Под руководством М. Тэтчер консерваторы завоевали власть, которую удерживали 18 лет. Почти одновременно, вдохновляясь подобной программой, к власти в США пришла администрация Р. Рейгана. Экономические преобразования в неоконсервативном духи стали

проводить правительства большинства западных стран. Политологи заговорили о «консервативной волне».

Среди наиболее видных теоретиков неоконсерватизма («неоконов», как их прозвали журналисты) можно назвать имена американцев И. Кристолла, Н. Подгорца, Д. Мойнингема, Р. Вигери, П. Бьюкенена. Многие из них в прошлом были либералами и даже социалистами. Однако, разочаровавшись в прежних идеалах, составили лагерь неоконсерваторов.

Основные положения неоконсерватизма заключались в творческом соединении положений классического либерализма с традиционными консервативными идеями. Исходя из традиционного консервативного положения о несовершенстве человеческой природы и созданных человечеством институтов, неоконсерваторы считали бедность и социальную несправедливость неизбежным злом, свойственным человечеству. Это зло можно ослабить, но устранить невозможно. Универсальных рецептов переустройства общества, годного для всех стран и во все времена, нет и не может быть, но, усовершенствуя имеющиеся институты, полагали неоконсерваторы, возможно создать эффективно функционирующее общество.

Неоконсерваторы резко выступали против неолиберальных и тем более социалистических, методов регулирования экономикой. Однако, «чисто» либеральные рецепты государства – «ночного сторожа», они также отвергли.

Неоконсерваторы пытались возродить прежнее значение таких институтов, как семья, церковь, школа, армия, общественные организации. В этом смысле неоконсерваторы отличаются от «классических» консерваторов, стремящихся сохранить существующий порядок вещей.

Сам неоконсерватизм был неоднородным течением. В его среде сосуществовали культурно-философские концепции, фундаменталистски настроенные деятели церкви, различные интеллек-

туальные круги. Среди них выделялись «новые правые». (Впервые появившиеся во Франции в 1969 г.). Хотя «новых правых» часто смешивали с неоконсерваторами, однако в целом под неоконсерваторами необходимо понимать политических руководителей традиционных политических партий проводящих неоконсервативный курс, в то время как «новые правые» представляли собой «мозговые тресты», исследовательские центры, общественные организации, периодические издания и издательства.

Для «новых правых» в Европе и в США характерен особый интерес к культурным вопросам, защиты национальной идентичности своих стран. Именно поэтому западноевропейские «новые правые» решительно выступают против американской «массовой культуры», осуждают американскую экспансию в мире, защищали борьбу сербов и иракцев. Впрочем, многие американские неоконсерваторы также осуждают вмешательство США во внутренние дела других стран, защищая «новый изоляционизм». Для европейских, и, в меньшей степени, для американских «новых правых» одним из главных способов сохранения национальной идентичности своих стран является прекращение массовой иммиграции представителей иной культуры, ослабление суверенитета страны в пользу наднациональных органов типа Международного Валютного Фонда, Евросоюза и НАФТА.

Пик влияния неоконсерваторов приходился на 1980-е годы, когда они и близкие к ним идеологически партии возглавляли почти все ведущие страны Запада. Экономические преобразования неоконсерваторов способствовали преодолению западными странами экономических неурядиц, и обеспечили быстрый промышленный рост. Самым заметным образом триумф неоконсерватизма проявил себя в крушении социалистической системы и СССР в 1989-1991 годы. Впрочем, парадоксальным образом, именно после падения коммунистических режимов в восточной Европе неоконсерваторы почти всюду уступили власть левым или неолибералам. Это объяснялось тем, что, после исчезновения страха перед советскими танками, на

Западе стали весьма болезненно ощущать социальную несправедливость, которую высокомерно игнорировали неоконсерваторы.

В начале XXI века неоконсерваторы вновь оказались у штурвала власти в США. Впрочем, вторжение США в Ирак, экономические проблемы этой страны, и прочие обстоятельства не способствуют усилению влияния неоконсерваторов в Европе.

Идеологические поиски социалистов

Социалистические концепции всех оттенков в середине XX века оказались в определённом кризисе. Социал-демократы стали мало отличимы от неолибералов. В Германии СДПГ в 1959 году на съезде в Бад-Годесберге приняла программу, в которой официально отказалась от марксизма. Коммунистические партии после XX съезда КПСС, на котором был разоблачён культ личности Сталина, также оказались в затяжном кризисе.

Попыткой преодоления идеологических проблем левых стало появление в начале 1960-х годов весьма разнородных идейно-политических течений, известных как «новые левые». Среди «новых левых» в качестве теоретиков выдвинулась целая группа философов, представлявших «Франкфуртскую школу», (среди них особенно популярен был Г. Маркузе), ряд социологов (среди них выделялся Ч.Р. Миллс, автор самого термина «Новые левые»), а также на редкость разношерстная группа деятелей «контркультуры», противопоставивших себя прежней официальной культуре. На роль политических идеологов «новых левых» претендовали, в разных странах мира, алжирский деятель Ф. Фанон, француз Р. Дебре, ранее сражавшийся в партизанском отряде вместе с Че Геварой в Боливии, итальянский философ А. Негри. Главным отличием «новых» левых от «старых», стало отрицание большинства положений

традиционных социалистических движений. В частности, «новые левые» считали, что рабочий класс стран Запада обуржуазился и полностью интегрировался в систему. Качественно изменить общество могут лишь «аутсайдеры системы», то есть молодежь, расовые и этнические меньшинства в «метрополии», (странах Запада), а также крестьянство («Мировая деревня») в бывших колониях.

Апофеозом «новых левых» были студенческие движения конца 1960-х годов, охватившие почти все западные страны. Самым известным из этих выступлений был Парижский май 1968 года, в ходе которого мятежные студенты на короткое время стали хозяевами страны. Впрочем, по известному замечанию, мировая студенческая революция 1968 года, изменив в мире всё, не создала ничего. Не случайно вскоре начался распад организаций «новых левых», а наиболее радикально настроенные из них перешли к терроризму.

Тем не менее, многое из теоретического наследия «новых левых» осталось в арсеналах многих политических сил, действующих в XXI веке. Чтобы понять, в чем сущность философии «новых левых», рассмотрим воззрения Герберта Маркузе, самого известного из теоретиков этого направления.

В «Одномерном человеке», основной своей книге, Маркузе говорит о том, что технический прогресс создает такие формы жизни, которые примиряют оппозиционные силы. Более того, видимо, наибольшим достижением индустриального общества стала его способность воспрепятствовать изменениям, порождать партнерские отношения между трудом и бизнесом. И буржуазия, и пролетариат движутся в одном направлении, преследуют общие цели и разделяют фактически одни и те же политические идеалы. Интегрированность пролетариата как бы приобретает тотальный характер и охватывает все сферы общества.

Рабочий и предприниматель, смотрят одни и те же фильмы, телепередачи, читают одни и те же газеты, слушают одно и то же радио. Поэтому не приходится удивляться сколь, многое их

объединяет. В современном мире, по-прежнему, считает Маркузе, существуют два основных класса: рабочий и буржуа, наёмный труд и капитал, однако, в этом мире «произошли такие структурные и функциональные изменения этих двух классов, что они, по-видимому, больше не являются носителями исторических преобразований. Скрытая заинтересованность в сохранении и совершенствовании существующих институтов примиряет эти ранее антагонистические классы во всё увеличивающемся масштабе»⁴¹.

К началу 1980-х годов «новые левые» почти сошли с политической сцены. Впрочем, многие из их идеологических наработок вошли составной частью в идеологию антиглобалистов.

В 1970-х годах в коммунистическом движении стран западной Европы, появилось ещё одно идеологическое и политическое направление – еврокоммунизм. На позиции еврокоммунизма встали компартии Испании, Италии, Франции, и некоторых других стран. Главной чертой еврокоммунизма был «великий исторический компромисс» – отказ от идеи революции, диктатуры пролетариата, полная поддержка членству своих стран в НАТО, позитивное отношение к европейской интеграции, осуждение СССР и других стран восточной Европы за тоталитаризм. Нетрудно заметить, что еврокоммунисты перешли на позицию социал-демократии. После распада социалистического лагеря и СССР многие из евро-коммунистических партий даже сменили название (так, компартия Италии стала Демократическойлевой партией). Таким образом, раскол в международной социал-демократии в 1917 году завершился возвращением блудных детей в Социнтерн.

Еврокоммунистическая позиция позволила некоторым партиям сохранить или даже усилить своё влияние. Так, французские коммунисты входили в состав левого правительства 1997-2002 годов, в те же годы итальянская Демократическаялевая возглавляла правительственную коалицию. В 2006 году бывший член руководства

---

⁴¹ Marcuse, H. (1969). *An Essay on Liberation* (pp. 12-13). Boston.

итальянской компартии Дж. Наполитано был избран президентом Италии.

Впрочем, пока говорить о каком-либо неосоциализме преждевременно.

Коммунитаризм

На рубеже XX-XXI веков на Западе начала складываться идеология коммунитаризма (от англ. *community* – община), которая означает служение интересам сообщества. Парадоксальным образом, коммунитаристы позаимствовали многое от традиций западного либерализма (свобода личности), консерватизма (защита традиционных ценностей, таких, как семья), социализма (защита общинности и коллективизма). Несмотря на свою историческую молодость, коммунитаризм имеет реальные шансы выдвинуться в одну из ведущих идеологий нового века.

Коммунитаризм, как современное теоретическое течение, заявил о себе в 1990 году, когда в США возникла «коммунитарная сеть» – движение интеллектуалов во главе с А. Этциони. В том же году стал издаваться ежеквартальный журнал движения «Ответственная community: права и обязанности», а в университете Джорджа Вашингтона создан центр коммунитарных исследований. В ноябре 1991 года в Вашингтоне состоялся семинар, в задачу которого входила разработка коммунитарной платформы. В мероприятии участвовали видные учёные и политики, среди них – будущий вице-президент, в то время сенатор А. Гор. Затем коммунитаристские кружки появились в Канаде, Великобритании, Германии и ряде других западных стран.

Основатель коммунитаризма – американский социолог, (родившийся, впрочем, в Германии в 1929 г.) Амигаи Этциони,

написавший в 1993 году книгу «Дух общины». Сторонниками этой концепции являются ученые, журналисты-теоретики и журналисты-практики. Среди видных теоретиков коммунитаризма выделяются также Алисдейр Макинтайр, Роберт Беллах, Майкл Вальзер. Последователи коммунитаризма полагают, что старые философские идеи Локка, Милля и Вольтера о правах человека были хороши для того времени, а сегодня устарели. Апологеты этого направления выступают против «просветительского либерализма», индивидуализма и приверженцев концепции свободы воли (либертарианства). Коммунитаристы выступают за подчинение политики целям гражданского общества. Коммунитарное движение – это общественное движение, участников которого объединяет цель изменения общества путём внутреннего духовного перерождения каждого отдельного человека в условиях небольшой общины, осуществление которой они готовы начать с самих себя и немедленно.

Коммунитаризм, как идейное течение, характеризуется очень широким спектром последователей, направлений. Например, так называемый высокий коммунитаризм, ставит целью создание теории преобразования общественных отношений. Зато «низкий» или «приземлённый» коммунитаризм, стремится к совершенствованию существующих порядков. Естественно, что при таком широком спектре движение коммунитаризма приобретает расплывчатый, размытый и противоречивый характер. Из его идейного багажа делаются иногда прямо противоположные выводы.

Однако можно выделить некоторый набор общих принципов, позволяющих объединить взгляды сторонников коммунитаризма в некоторую общую систему. К таким системообразующим элементам относятся: Критика свободной рыночной экономики; Признание того, что развитие отдельного человека бессмысленно рассматривать в отрыве от развития социальной среды. Признание возможности сосуществования разных цивилизаций и необходимости культурной диверсификации. Выдвижение в качестве

системообразующего понятия «сообщества». Отторжение либерального индивидуума и приверженность ценностям сообщества («коммуны»), как устойчивого объединения людей, связанных общими традициями, историей и моралью. Провозглашение важнейшей роли моральных норм в противовес либеральной доктрине, выдвигающей на первый план экономическую рациональность. Тем самым восстанавливается социальная значимость ценностно-рационального поведения, которая в концепциях либерализма была оттеснена на задний план поведением целерациональным. Выдвижение концепции «общества совладельцев», которая рассматривает современную корпорацию не как машину исключительно для производства прибыли акционерам, а как социальный институт, защищающий гармонизированные интересы акционеров, менеджмента и персонала.

Пока ещё коммунитаризм не стал политической идеологией в буквальном понимании слова. Пока нельзя выделить особую коммунитаристскую теорию государства, власти, способа построения коммунитаристского общества. Ни одна партия не вдохновляется коммунитаристской теорией, несмотря на интерес, который проявляют к коммунитаризму многие политики. Но это не значит, что со временем коммунитаризм не превратится в значительную идеологическую и политическую силу.

Феминизм

Во второй половине XX века на идеологическую жизнь мира резко возросло влияние феминизма (от лат. *femina* – женщина). Политические теории феминизма возникли на базе движения против социально-экономической дискриминации женщин.

Как отчётливая идеология феминизм родился в годы Великой Французской революции. Впервые идеи феминизма были изложены О. де Гуж в «Декларации прав женщины и гражданки» (1792 г.) и в книге Т. фон Гиппеля «Об улучшении гражданских прав женщин» (1792 г.). Таким образом, феминизм является довольно «старой» идеологией, хотя только в наши дни начинает претендовать на глобальность.

В XIX веке феминизм тесно связан с французским утопическим социализмом (сенсимонизмом), а также с именем Милля. Знаменитый теоретик либерализма, Дж. С. Милль много сделал для равенства прав женщин. Его книга «Зависимость женщины» стала одним из классических произведений феминизма. Представители феминизма требовали обеспечения равенства полов посредством социально-экономической и юридической реформ.

В развитии идей феминизма немаловажную роль сыграл суфражизм начала XX века – движение за предоставление женщинам избирательных прав, которые открыли бы им доступ к политической деятельности, обеспечили социальное равенство. Эта борьба постепенно приносила успех. Женщины получили избирательные права в Новой Зеландии уже в 1893 году, в Финляндии – в 1906 году, в США – в 1920 году, в большинстве стран мира – после 1945 года.

Однако «настоящий» феминизм развернулся лишь с 1960-х годов. Движение женщин тесным образом совпадало с борьбой за права цветных и антивоенным движением. Многие феминистские термины, такие, как «гендер» (социальный пол), или «сексизм» (дискриминация по признаку пола) стали с того времени общеупотребительными. Одновременно произошло разделение самого феминизма на ряд направлений. В результате стало затруднительно говорить о феминизме «вообще». Исследователи выделяют такие главные направления: либеральный феминизм, марксистский, психоаналитический и радикальный.

Либеральный феминизм является продолжением прежнего феминизма Дж. С. Милля, и в основном сводится к дальнейшему распространению равенства. Современные исследователи так характеризуют это направление:

«...Современные либеральные феминистки стремятся к равенству между мужчиной и женщиной, которое распространялось бы на тех женщин, чьи права и привилегии ущемлены мужчинами. Они отстаивают социальные и законодательные реформы, которые могли бы осуществляться при поддержке социальной политики, которая была бы призвана обеспечивать действительно равные условия для женщин, в особенности, когда речь идёт о получении гражданских прав, введении однополых браков, удостоверении образовательных возможностей. Социальная политика рассматривается ими как важная сила в установлении доступа женщин к экономическим возможностям и гражданским правам»⁴².

Марксистский феминизм также имеет давнюю историю. Напомним, что впервые именно социал-демократы ещё в конце XIX века активно вели борьбу за равенство женщин. Не случайно первые женщины-политические деятели, были именно в социал-демократических партиях II Интернационала (Р. Люксембург, К. Цеткин, Б. Вебб, С. Панкхерст).

Марксистский феминизм взял за отправную точку труд Энгельса 1884 года «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Следуя Марксу и Энгельсу, марксистские феминистки полагают, что начало угнетения женщин было положено введением частной собственности. Сосредоточение средств производства в руках сравнительно малого количества людей, по большей части мужчин, положило начало классовой системе, которая сформировала причины, обусловившие большую часть неравенств и

---

⁴² Элиот, П., Мендел, Н. Теории феминизма // *Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках* / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 1998. С. 15. *Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований»*. Под ред. О.А. Ворониной. М.: МЦГИ / МВШСЭН, 2000. С. 48-49.

несправедливостей в мире. В конце концов, женщины угнетены не столько сексизмом, сколько капитализмом. Гендерное неравенство исчезнет лишь тогда, когда капитализм будет замещен социализмом. А раз исчезнет экономическая зависимость женщин от мужчин, исчезнет также и материальный базис угнетения женщин.

Марксистские феминистки рассматривают женщину в контексте ее включенности в различного рода зависимости от средств производства в капиталистической системе. Во-первых, капитализму присуще разделение труда по половому признаку. Женщина, которая работает дома, склоняется к тому, чтобы быть ответственной за производство продуктов и услуг, которые не имеют обменной стоимости. Однако женская домашняя работа и работа по уходу за детьми не рассматривается как «настоящая работа», поскольку она не приносит денег. Мужчина, который работает в общественном секторе, непосредственно вовлечен в производство предметов потребления, предметов, предназначенных для обмена на рынке. Во-вторых, ассоциирование женщины с домом, частным сектором сообщает ее труду вторичный статус. Культурное предписание, обязывающее женщину принадлежать дому, обуславливает и отношение к женщинам как к «резервной армии труда». Женщина будет оплачиваться хуже, будет уволена или отстранена от дел и возвращена домой, когда экономика больше не будет нуждаться в ее оплачиваемом труде.

Семья в условиях капитализма становится микрокосмом социальных отношений между классами. Жены могут быть сопоставлены пролетариату, моногамный брак развивается как часть формации частной собственности, а разделение частного и публичного труда становится гендерным. Все жены, вне зависимости от их трудовых доходов, ответственны за ведение домашнего хозяйства, уход за детьми, за эмоциональную поддержку членов семьи и за благополучие семьи в целом. Работа домохозяйки – их домашнее рабство – представляет собой одновременно и личное служение мужчине, хозяину дома, и неоплачиваемую экономическую службу

обществу в целом. Только освобождение от капитализма и частной собственности освободит женщин от гендерного гнёта⁴³.

Психоаналитический феминизм основное внимание уделяет исследованию скрытой психодинамике, характер которой накладывает отпечаток на характер личностных, межличностных и социальных отношений, на динамике бессознательного, которая формирует наше мышление, эмоции и действия.

Наконец, радикальный феминизм, наиболее широко распространённый в США, носит весьма специфический характер. Большинство радикальных феминисток ненавидят мужчин. Общество, в котором господствуют мужчины, они называют патриархатом. Часть радикалок проповедуют идею сепаратизма, т.е. отделения от патриархального общества. Большинство радикальных феминисток добивается ликвидации сексизма путем навязывания политкорректности. В частности, в США под их влиянием изменяется даже язык. Слово *man*, означающее сразу понятия «человек» и «мужчина», как слишком сексистское заменяется понятием *persona* – «персона», лишённого половой окраски. Впрочем, при всей экстравагантности, в радикальном феминизме трудно найти чёткие идеологические основания.

Как видим, в основном пока феминизм является больше выражением эмоций, чем идеологией, несмотря на претензии стать мировой идеологией. Впрочем, это не означает, что подобная идеология не возникнет в будущем.

---

⁴³ Элиот, П., Мендел, Н. Теории феминизма // *Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках* / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 1998. С. 15. *Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований»*. Под ред. О.А. Ворониной. М.: МЦГИ / МВПСЭН, 2000. С. 52.

ЭКОЛОГИЗМ

Технический прогресс XX века привёл к тому, что перед человечеством возникла реальная угроза гибели в результате загрязнения окружающей среды. Для большинства думающих людей стало ясным, что человечеству необходимо менять принятый им уровень индустриального развития и потребления. И становится понятным, почему защита природы стала для большинства развитых стран мира жизненно важной политикой. Но если возникает определённая общественная потребность, то неизменно возникает и политическая идеология, указывающая на эту потребность и определяющая способы её достижения. Именно такой идеологией со второй половины XX века стал экологизм.

Собственно, подобно всем идеологическим направлениям рубежа тысячелетия, ранние варианты проведения экологической политики известны ещё в давние времена. Многие древние правители запрещали вырубать леса, загрязнять реки, и пр. Средневековые короли казнили браконьеров, охотившихся в королевских угодьях (благодаря чему в Европе ещё сохранились леса). Пётр I издал десятки постановлений, строго наказывавших за загрязнение воды, вырубку определённых пород дерева в лесах. Однако всё это не было экологией в современном смысле слова. Реально экологические мысли высказал Ж.-Ж. Руссо (1712-1778 гг.), указывавший, что сам по себе технический прогресс, только-только начинающийся в XVIII веке, не способен улучшить человеческие нравы, зато обходится ценой загрязнения и гибели природы. В XIX веке и первой половине XX века экологические проблемы почти не привлекали внимания ученых, деятелей культуры и политиков. Напротив, учёные призывали «не ждать милости от природы», поэты-футуристы воспевали дым фабричных труб и производственные шумы больших городов. Но к середине XX века экологические проблемы уже стало невозможно игнорировать. Защита окружаю-

щей среды из инициативы отдельных энтузиастов стала важнейшей политической деятельностью.

Первыми лозунги защиты природы стали провозглашать «новые левые». Не случайно первоначально экологисты считались одним из направлений левого идеологического спектра. (Впрочем, сильная «левизна» присуща им и поныне). Действительно, экологисты ставили под сомнение необходимость безграничного промышленного развития и «общества потребления», что сближало их с левыми политическими направлениями. Экологисты осуждали войны и милитаризацию экономики Запада. Однако экологисты весьма критически оценивали также и экономические модели, существовавшие в СССР, КНР и других странах «социалистического лагеря». Экологисты выдвигали требования «Великого отказа» от форсированного развития промышленности, от использования ядерной энергии, и вообще от технического прогресса, если он не способен обеспечить экологически «чистое» производство. Так экологисты быстро оказались самостоятельным политико-идеологическим движением.

В 1980-е годы во многих странах Запада, особенно в густонаселенной и поэтому экологически уязвимой Европе появились экологические партии, которых обычно называли «зелёными», ставшие на какое-то время весьма серьёзной политической силой. Своего рода «эталонном» экологической партии стали «зелёные» (*Die Grünen*) в Западной Германии. По их образцу стали возникать «зеленые» в других странах.

13 января 1980 года в городе Карлсруэ состоялся учредительный съезд немецкой зеленой партии. Целью новой партии было: объединить все силы, которые выступают за разоружение, социальное равенство, экологию и равноправие между мужчинами и женщинами.

Понимая, что те силы, которые борются за мир и экологию, не представлены в парламенте, активисты движения за мир, экологи и

феминисты решили учредить новую партию. Партия зелёных играла ведущую роль в организации маршей мира, блокирования военных баз, сбора подписей и организации демонстраций.

10 октября 1981 года в Бонне состоялась самая большая демонстрация в истории Федеративной Республики Германии. 300 тысяч человек из всех частей Западной Германии протестовали против размещения крылатых ракет и «Першингов». Главным организатором демонстрации выступила партия зелёных. Им удалось достичь того, что общество начало обсуждать проблемы, которые до сих пор не считались проблемами: благодаря зелёным, немцы начали критически относиться к вопросу экспорта оружия. Германия в те времена стояла на 4 месте по экспорту оружия (после США, СССР и Франции). И только благодаря зелёным, немецкая общественность начала обсуждать вопрос защиты окружающей среды.

В 1983 году зелёная партия впервые на выборах набрала больше 5%, и в первый раз была представлена в немецком парламенте. В бундестаге фракция зелёных насчитывала 27 депутатов. В 1987 году зелёные добились ещё лучших результатов, набрав 8,2% голосов, что дало им 46 депутатов в парламенте.

Ядерная катастрофа 1986 года в Чернобыле активизировала деятельность «зелёных» во многих странах, и их партии в конце 1980-х годов добились на выборах больших успехов. Фракции зелёных появились практически во всех парламентах стран Западной Европы. На выборах в Европейский парламент в 1989 году большинство партий «зелёных» достигли рекордных результатов, в т.ч. получив удивительно большой процент голосов (14,9%) в Великобритании. Это время стало пиком деятельности «зелёных». Но уже в 1990-х годах зелёные стали терять прежнюю популярность.

Объяснялось это несколькими факторами. Во-первых, экологические проблемы теперь привлекали внимание всех слоёв мирового сообщества, и многие партии самого разного идеологического направления стали уделять пристальное внимание экологии. В

результате часть электората зелёных «вернулись» к прежним партиям. Таким образом, именно популярность многих идей экологов ослабили их политическое влияние.

Во-вторых, сами зеленые не были единым целым в области идеологии. Они привлекали представителей самых разных направлений, способных обеспечить голоса избирателей к кандидатам, не имевшим шансов быть избранными в иных условиях или оказывать определённое влияние на политику. Но эти идеологические различия не могли не выйти на поверхность, как только «зеленые» оказывались в органах власти. В их призывах слились воедино самые противоречивые идеи: либерализм, анархизм, феминизм, неомарксизм, христианство, пацифизм, «контркультура» и антииндустриализм в духе Руссо, Л. Толстого и М. Ганди. В позитивной программе зелёных было много совершенно утопичного. Так, резко выступая против использования ядерной энергии, зеленые в качестве альтернативы предлагали вернуться к использованию каменного угля, хотя этот вид топлива невероятно «грязен» экологически.

Вскоре начались расколы среди экологов. Часть из них пыталась радикально изменить общество. Они требовали распустить НАТО, осуществить полное разоружение западных стран, расширить роль местного самоуправления в странах Европы, сведя до минимума роль правительства. Кроме того, радикальные зелёные были против «нормальной» партийно-парламентской деятельности, выступая против всяких коалиций и предвыборных соглашений с другими партиями. Их называют «фундаменталистами». Но в силу своей бескомпромиссности экологические фундаменталисты всё больше теряли позиции в рядах собственной партии. Все больше и больше растёт влияние так называемых «реалистов», которые со временем пришли к руководству партиями экологов. «Реалисты» считают, что нельзя слишком категорически выступать против НАТО, вооружения, других партий. «Реалисты», понимая невозможность самостоятельного прихода к власти партий эколо-

гистов, считали нужным пойти на соглашение с социал-демократами. Это было сделать тем легче, что Социнтерн и социал-демократические партии с конца 1980-х годов стали уделять экологическим проблемам самое пристальное внимание. В декабре 1985 года впервые «зелёный» становится министром в одной из федеральных земель Германии. Один из лидеров «реалистов», Йошка Фишер стал министром экологии в коалиционном правительстве из социал-демократов и зелёных земли Гессен.

В октябре 1998 года зелёные добились партнерства в коалиционном правительстве из социал-демократов и зелёных, (которую прозвали «красно-зелёной»), а Йошка Фишер стал министром иностранных дел Германии от зелёной партии.

Казалось, зелёные добились всего, о чем те, кто в 1980 году участвовал в учредительском съезде, могли только мечтать: совместно с социал-демократами, они стали определять политику Германии. Однако редко когда реальная политика партии так резко контрастировала с её идеологией, как это было с зелёными в коалиционном правительстве Германии в 1998-2006 годы.

Всего лишь через пять месяцев после того, как зеленые вошли в правительство, самолёты немецкой военной авиации начали бомбить города в Югославии. А зелёный министр иностранных дел Йошка Фишер сам активно выступал за бомбёжки. В 2001 году немецкий парламент принимает решение отправить почти 4000 немецких военных в Афганистан на войну «против террора». Зелёная фракция активно поддержала это решение. Германия никогда не экспортировала оружия больше, чем при власти «красно-зелёной» коалиции. В совете министров ЕС зелёный министр иностранных дел голосовал за прекращение запрета на экспорт оружия в Ливию. Зелёные молчали, когда канцлер Шредер выступил за экспорт оружия в Китай.

Как иронически заметил один из руководящих деятелей германских зеленых Бернхард Классен, покинувший партию в знак

протеста против бомбардировок Югославии, «в процессе создания партии *Die Grünen*, учредители этой партии хотели коренным образом изменить систему Германии. Никаких коренных изменений они, кажется, не внесли. Коренным образом изменилась только сама партия *Die Grünen*⁴⁴.

Однако судьбой германских зеленых экологизм не исчерпывается. К началу XXI века экологизм представлен не столько партиями, сколько множеством общественных объединений, не ставящих перед собой глобальных задач по изменению общества, а старающихся защитить природу в отдельно взятых местах. Деятельность этих объединений действительно оказывает благотворное влияние на улучшение экологического положения в мире.

Антиглобализм

Одним из самых «молодых», но знаменитых идеологических направлений XXI века стал антиглобализм. Хотя многие представители этого направления предпочитают называть себя альтерглобалистами, подчёркивая, что они предлагают свою альтернативу миру, а не только отрицание сложившегося миропорядка, но данное название уже закрепилось. Как легко заключить из названия, антиглобалисты выступают характерных гримас глобализации.

Конечно, глобализация – процесс объективный, но антиглобалисты выступают против глобализации, осуществляемыми транснациональными корпорациями и правительствами небольшой группы западных стран, преследующих узкокорыстные цели. Напомним, что глобализация на таких условиях означает ослабление вплоть до исчезновения суверенитета национальных

---

⁴⁴ *Байкальская экологическая волна*, № 57-58 (февраль), Иркутск, 4 февраля 2005. С. 37-38.

государств, и перехода всей экономической, а затем и политической власти в руки наднациональных органов типа ВТО, МВФ. Иначе говоря, в руки никем не выбранной финансовой олигархии. В глобализированном мире не предусмотрено никакой демократии (хотя остаются демократические процедуры в виде периодических выборов и многопартийности). Мировая властвующая элита проводит политику ликвидации социальных завоеваний, достигнутых массами в западных странах. В результате, в связи с переводом целых отраслей промышленности из западных стран в регионы с дешевой рабочей силой, на Западе начался процесс исчезновения «среднего класса». Намеренно подрываются национальные культуры и традиционные религии всех стран мира, поскольку их последователи могут выступить против унификации. В результате против нынешней глобализации выступают одновременно сторонники достижения социальной справедливости, защитники национальной идентичности, религиозные фундаменталисты, наконец, экологи. Все это сделало антиглобализм на редкость разнородным идеологически и организационно движением.

Впервые об антиглобализме заговорили в 1994 году, когда в мексиканском штате Чьяпас началось партизанское движение под руководством некоего субкоманданте Маркоса. В отличие от всех прочих повстанческих движений, партизаны Маркоса не стремились брать власть. Требования чьяпасских повстанцев правительству заключались в защите тропических лесов и сохранении традиционного быта местных индейцев. Одновременно Маркос одним из самых первых политических деятелей стал использовать Интернет с пропагандистскими целями.

В 1999 году антиглобализм стал особенно знаменит. В этот год состоялись такие значительные акции, как разрушение французским крестьянином (и одновременно одним из лидеров антиглобализма) Ж. Бове строящегося Макдональдса ради защиты французских сыров (производство которых было признано «нерентабельным» чиновниками Евросоюза), в Лондоне прошёл

«Антикапиталистический марш» (Антикап), а в американском городе Сиэтле демонстрации протеста против проводимых здесь мероприятий министерской конференции ВТО привели к значительным уличным столкновениям. Подобные столкновения сопровождали почти все мероприятия, проводимые лидерами транснациональных корпораций и международных наднациональных структур. Особенно значительные беспорядки произошли в 2001 году, во время встречи «большой восьмерки» в Генуе, когда не менее 300 тысяч антиглобалистов участвовали в баррикадных столкновениях.

С этого времени понятие «антиглобализм» стало ассоциироваться с уличными беспорядками. Однако антиглобализм вовсе не сводится только к этим экстремальным проявлениям. Среди виднейших идеологов антиглобализма можно выделить известных философов Н. Хомски (р. 1933 г.), С. Жижека (р. 1949 г.), политолога А. Негри (р. 1933 г.), социолога И. Валлерстайна (1930-2019 гг.). Многие деятели культуры также вносят вклад в формирование антиглобалистской идеологии. В антиглобалистских мероприятиях участвуют тысячи политических организаций, партий и движений самой разной направленности, объединяемых лишь отрицательным отношением к глобализации на условиях корпораций.

Роль «мозговых центров» антиглобализма играют всемирные Социальные Форумы. Первый такой Форум состоялся в бразильском городе Порту-Алегре в январе 2001 года. В следующем году в Порту-Алегре собрались уже более 150.800 делегатов, представлявших 4909 организаций и движений из 123 стран мира. В дальнейшем подобные Форумы, как всемирные, так и региональные (состоялись уже четыре европейских форума) стали регулярными.

В организационном плане антиглобализм представляет собой пример сетевой структуры без единого руководящего органа. Данное движение не случайно возникло в эпоху развития сетевых принципов организации. Более того, оно превратилось в модель

сетевой социальной организации даже там, где собственно технологические процессы остаются прежними (индустриальными по преимуществу). В антиглобализме социальная форма во многих случаях «убежала вперёд», став пока ещё оппозиционным, внесистемным, но реальным социальным вызовом развитию и экономических, и технологических структур. К числу ключевых черт сетевой организации как одной из характеристик относятся:

- неиерархичность, децентрализация, преимущественно горизонтальная и/или функциональная кооперация участников;
- гибкость, подвижность, изменчивость форм и конфигураций;
- лёгкость и быстрота создания и распада структур;
- открытость для «входа» и «выхода»;
- общедоступность сетевых ресурсов (прежде всего, информационных);
- равноправие участников сети, независимо от их роли, масштаба, ресурсов;
- не только некоммерческая, но и антирыночная направленность;
- вторичность форм и структур по отношению к содержанию деятельности;
- уникальность сетей⁴⁵.

Таким образом, несмотря на то, что в идеологическом смысле в антиглобализме преобладает пока отрицание существующего характера глобализации, но думается, со временем всё же можно рассчитывать на появление более или менее теоретически разработанных позитивных идеологических доктрин. Вероятно, их будет больше, чем одна, так как в антиглобализме присутствуют слишком различные, порой противоположные по своим устремлениям социальные группы. Всё это делает антиглобализм одним из самых перспективных идеологических направлений современности.

---

⁴⁵ Бузгалин, А.В. *Альтерглобализм как феномен современного мира*. М.: Полис, 2003.

Религиозные и светские идеологии всегда играли огромную роль в политическом развитии человечества. Несмотря на происходящий в наши дни кризис «классических» идеологий XX века, вряд ли изменится роль самих идеологий как таковых. Следовательно, ни одно исследование по политологии не может обойтись без рассмотрения идеологий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идеологии в религиозной и светской форме сопровождают всю историю человечества. В определённом смысле идеологии будут существовать, пока существует человек. Правда, в конце XX века наступил определённый кризис всех классических, привычных идеологий. Все классические идеологии, каждая из которых претендовала на обладание истиной и право строить общество на основании собственных рецептов, в той или иной степени продемонстрировали свою несостоятельность.

В «век идеологий» (1789-1989 гг.) в большинстве развитых стран мира существовали чётко структурированные классы, сословия, социальные группы, находящиеся в сложных взаимоотношениях между собой. Идеологии предлагали противоборствующим социальным силам теоретическое обоснование своих требований. Со второй половины XX века жёсткое социальное разделение общества развитых государств начало ослабляться. Парадоксальным образом, ослабление классических идеологий во многом было обусловлено, как ни странно, именно практическим успехом большинства их теоретических положений. Политическая демократия, социальная справедливость, опора на традиционные устои – всё это воспринимается как что-то само собой разумеющееся для жителей развитых стран. Получается, что теперь не за что бороться либералам, социалистам всех направлений вместе с консерваторами. Одновременно жесточайшее идеологическое противостояние двух мировых социальных систем закончилось поражением социалистического лагеря, причем это поражение объяснялось не победой западной идеологии, а лишь предательством властвовавших элит стран «реального социализма».

То, что светские идеологии XIX-XX веков одинаково оказались несостоятельны в построении идеального общества, привели к «реваншу Бога», то есть подъёму религиозно-политических движе-

ний. Идущее ещё от философов эпохи Просвещения представление о том, что религия порождена невежеством масс и исчезнет по мере распространения грамотности, совершенно не подтвердилось. Помимо исламских движений, характер политических идеологий приобрели многие другие религиозные учения – «Теология освобождения» в Латинской Америке, электоральные успехи религиозных партий в Индии, Турции, Израиле, являются свидетельством не только подъёма религиозности среди молодых и образованных жителей быстро развивающихся стран. В первую очередь это свидетельствует об упадке светских политических идеологий. Однако большинство политически активных избирателей, даже религиозно настроенных, всё же больше внимания склонно обращать на те политические и социальные вопросы, которые невозможно решить с помощью только священных текстов. Так что светские идеологии по-прежнему доминируют в мире.

В наши дни «старые» классические идеологии по-прежнему имеют многих стойких последователей. Однако жёсткая привязанность идеологии на конкретные социальные слои и классы постепенно ослабевает. Такие идеологические направления нового века, как экологизм, феминизм или антиглобализм, являются интерклассовыми. В самом деле, проблема экологии затрагивает всех землян, феминизм способен сблизить женщин разных социальных слоёв, этносов и конфессий, в антиглобализме причудливо сочетаются те политико-идеологические силы, которые во многом противоположны друг другу. В результате новые, только формирующиеся на наших глазах идеологии уже не попадают под прежние четкие классификации. Ни одну из «постклассических» идеологий нельзя назвать ни левой, ни правой, ни радикальной, ни консервативной, ни буржуазной, ни пролетарской. Всё это делает весьма интересным и непредсказуемым идеологическую палитру века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ

- Антонович, И.И. *Социодинамика идеологий*. Минск, 1995.
- Байкальская экологическая волна*, №57-58 (февраль), Иркутск, 4 февраля 2005.
- Бернштейн, Э. *Классы и классовая борьба*. М., 1906.
- Бернштейн, Э. *Очерки по теории и истории социализма*. СПб., 1902.
- Бернштейн, Э. *Теория и практика современной социал-демократии*. СПб., 1906.
- Бернштейн, Э. *Условия возможности социализма и задачи социал-демократии*. СПб., 1899.
- Бузгалин, А.В. *Альтерглобализм как феномен современного мира*. М.: Полис, 2003.
- Геллнер Э. *Нации и национализм*. М., 1991.
- Горев А.В. *Махатма Ганди*. М.: Международные отношения, 1984.
- Достоевский, Ф.М. *ПСС в 30 тт.* Л., 1981. Т. 23.
- Ж-л ПОЛИС, 1993, №2.
- Ильин, И.А. *Наши задачи*. М.: Парог. 1992.
- Кара-Мурза, С.Г. *Манипуляция сознанием*. М. 2001.
- Карцов, А.С. Русский консерватизм как интеллектуальная традиция. *Консерватизм и либерализм: история и современные концепции*. СПб., 2002. С. 41-57.
- Краткий политический словарь*. М., 1983.
- Макаренко, В.П. *Главные идеологии современности*. Ростов-на-Дону, 2000.
- Галкин, А.А., Рахшмир, П.Ю. *Консерватизм в прошлом и настоящем*. М., 1987.
- Громов, И.А., Мацкевич, А.Ю., Семёнов, В.А. *Западная социология*. СПб., 1997.
- Кропоткин, П.А. *Взаимная помощь как фактор эволюции*. 1890.
- Кропоткин, П.А. *Современная наука и анархизм*. 1901.
- Ленин, В.И. *ПСС*. Т. 39.
- Маркс, К., Энгельс, Ф. *Собрание сочинений*. Т. 4.

- Опыт словаря нового мышления.* М., 1989.
- Очерки русской культуры XX века.* Т.2. М., 2000.
- Подвишнев, О.Б. *Постимперская адаптация консерватизма.* Автореф. доктора политических наук. Пермь, 2002.
- Политология: энциклопедический словарь.* М.: Изд-во Московского Коммерческого Университета, 1993.
- Поляков, Л.В. Консерватизм. *Новая Философская Энциклопедия.* В 4-х тт. М.: Мысль, Т. 2.
- Современная западная социология.* Словарь. М., 1990.
- США: консервативная волна.* Под ред. А.Ю. Мельвиля. М., 1984.
- Философский Энциклопедический Политический Словарь.* М.: Советская Энциклопедия, 1989.
- Философский энциклопедический словарь.* М. 1989.
- Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований».* Под ред. О.А. Ворониной. М.: МЦГИ / МВШСЭН, 2000.
- Элиот, П., Мендел, Н. Теории феминизма. *Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках.* Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 1998.
- Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон.* Т. 16. СПб, 1895.
- Яценко, Н.Е. *Толковый словарь обществоведческих терминов.* СПб.: Лань, 1999.
- Venois, A. (1978). *De Vu de droite: Anthologie critique des idées contemporaines.* Paris.
- Berlin Isaiah. (1969). *Two Concepts of Liberty. Berlin 1. Four Essays on Liberty.* London: Oxford Univ. Press.
- Clarkson, J.P. (1959). "Big Jim" Larkin: a Foot not to Nationalism. *Nationalism and Internationalism.* N.Y.
- Frazer, L. (1957). *Propaganda.* L.
- Inglehart. R. (1990). *Culture Shift in Advanced Industrial Society.* Princeton University Press.
- Lipset, S.M., Lazarsfeld, P.F., et al. (1954). The psychology of voting. *The handbook of social psychology, 2.*
- Macpherson, C. (1980). *B. Burke.* Oxford.
- Maoist Internationalist Movement Notes.* February 15, 1999.

Marcuse, H. (1969). *An Essay on Liberation*. Boston.

Oakeshott, M. (1962). *Rationalism in politics and other essays*. L.

ОБ АВТОРАХ

Сергей Викторович Лебедев, доктор философский наук, заведующий кафедрой философии Высшей школы народных искусств (Академии) Санкт-Петербурга, ведущего высшего образовательного учреждения России в области сохранения культурного наследия, главный рецензент European Scientific e-Journal, автор более 10 монографий и учебных пособий, более 100 научных статей на русском и английском языках.

E-mail: serviceb@list.ru

Галина Николаевна Лебедева, кандидат философский наук, доцент кафедры философии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, автор ряда монографий и десятков научных статей на русском, английском и чешском языках.

E-mail: gal_le@list.ru

Сергей Викторович Лебедев

профессор, доктор философских наук
заведующий кафедрой философии
Высшая школа народных искусств (Академия)
главный редактор
European Scientific e-Journal (Чехия)
автор многих монографий и статей на русском
и английском языках

Галина Николаевна Лебедева

доцент, кандидат философских наук
кафедра философии
Ленинградский государственный университет
автор монографий и статей на русском, английском
и чешском языках